

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

**АНТОН ТЕКШИН
ОКАЯННЫЙ**

ИДДК

Антон Текшин
Миры Артёма Каменистого.
S-T-I-K-S. Окаянный
Серия «S-T-I-K-S»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36308799

Аннотация

Глеб Измайлов, никогда не жаловался на излишнюю везучесть. Тяжёлая болезнь, потеря работы – пожалуй, это была светлая полоса его жизни, если задуматься, КУДА его зашвырнуло. Новички здесь не протягивают и суток. Выжившие – лишь статистическая погрешность, подтверждающая общее правило. Наивно пытаться войти в их число, когда на тебя открыта настоящая охота. И если обычным монстрам ты интересен просто в качестве деликатеса, то местным жителям нужно от тебя гораздо больше. Ну, как от тебя. Скорее – от твоего двойника, набедокурившего в здешних землях так, что он стал Легендой. Правда, со знаком "минус". Попробуй теперь доказать, что это не ты, если ваше сходство – на генетическом уровне. И это ещё не самая худшая новость недели. Кто там говорил про везение?

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	35
Глава 4	45
Глава 5	73
Глава 6	105
Глава 7	133
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Антон Текшин Окаянный Миры Артёма Каменистого. S-T-I-K-S

*Книга посвящена памяти моего отца Виктора
Текшина*

Глава 1

– Егорыч, просто признай – мы заблудились, – в который раз попросил Лёха, зашелестев картой. – Это не та дорога.

– Да иди ты в задницу со своей бумажкой! – взорвался наш водитель. – Мы никуда после Бии не сворачивали, тут дорога всего одна, до самого Телецкого, ити его душу, озера!

– Но тот туман...

– Да он здесь причём?! Ты ещё погоду приплети! Не было съездов, кроме галимых грунтовок к местным посёлкам, не могли мы там не туда повернуть!

– Откуда тогда этот перекрёсток?

Тут Егорыч не нашёлся с ответом, просипев какое-то ругательство сквозь стиснутые зубы. И было от чего.

Ведь на пресловутой бумажной карте на этом участке дороги до самого Артыбаша никаких перекрёстков не значилось. Причём электронная версия от китайского навигатора, используемого в пассивном режиме из-за отвратительного сигнала в здешних местах, была полностью с ней солидарна. Последний отрезок нашего долгого пути нельзя было назвать прямой стрелой, но и свернуть не в ту сторону в этих, ещё полудиких краях, довольно проблематично. Однако факт налицо – мы упёрлись в развилку, аки заплутавшие богатыри. Вот только вариантов в нашем случае имелось всего два – направо и налево, так как перекрёсток оказался Т-образным.

А ехать надо было прямо.

Егорыч заглушил двигатель и раздражённо хлопнул водительской дверью. Никак пошёл убедиться, что перекресток реальный, а не привиделся нам в сгущающихся алтайских сумерках. Как ни старался он успеть засветло, гоня по трассе что есть мочи, дурацкая поломка под Кемерово внесла свои коррективы. Вот тебе и хваленый «Форд», полный «Транзит»! Согласился бы на суровую отечественную «Газель» – и доплачивать бы не пришлось, и ждать лишние сутки. Хотя в моём положении трястись над жалкими остатками накопленный как-то глупо, хочется комфорта. Напоследок.

Илья – третий член экипажа, сидевший со мной в салоне, накинул на плечи куртку и тоже выскользнул на улицу подышать свежим воздухом с примесью никотина. Боковую

дверцу он, после некоторого раздумья, задвинул на место. А то мало ли, вдруг я простужусь под тёплым пледом.

Снаружи действительно было чуть прохладно, пахло осенним лугом и немного хвоей, а вот речка со странным названием «Бия» не ощущалась совсем, хотя она по идее, должна извиваться совсем рядом, за ближайшим перелеском. Ещё один пунктик в пользу того, что мы не на верном пути.

Проклятье, как же хочется тоже выйти наружу, размять ноги и самому посмотреть, что там с дорогой! Вместо этого приходится лежать на остервеневшей кушетке, изображая из себя беспомощного манекена – этакое пособие для юных медиков. Благо хоть разговаривать ещё не разучился.

– Да твою же... – раздражённо процедил Лёха с переднего сидения. – Долбаная глухомань!

– Связи нет? – догадался я.

– Ага, цивилизацию сюда не завезли, – откликнулся он и вжикнул пластиковой форточкой, отделявшей кабину от салона. – Ты как там?

Больше кушетки меня достали разве что постоянные вопросы о моём состоянии. Да, оно, мягко говоря, плачевное, но от того, что уточнять его каждые пять минут, самочувствие не улучшится. Но такова суть медицинских работников – никому не хочется привезти пациента уже остывшим.

– Пока дышу, – признался я.

– Ты уж извини...

– Да ладно, чего уж там. Где наш автосусанин?

Двигать туда-сюда головой у меня ещё получалось, хоть и с трудом, да в узкое окошко «Транзита», больше похожее на бойницу, хрен что разглядишь. Так что вся информация о внешнем мире шла от впередсмотрящего.

Вообще, дабы перевезти меня из точки «А» в пункт «Б» теоретически достаточно двух человек – один за рулём, второй держит руку на пульсе. Нормативы же предусматривают экипаж минимум из трёх индивидуумов, поэтому всю дорогу Лёха в качестве запасного игрока страдал откровенной фигнёй – насиловал ручной планшет, пока не надоело, дремал, и даже пытался навязать себя в качестве штурмана, но был послан в самой категоричной форме. Может, зря?

Снова хлопнула дверца кабины, возвещая о том, что наш торопыга-водитель, предпочетший проскочить через густые клубы то ли дыма, то ли тумана, вернулся на место. Возможно, остановись мы у моста на часок, вонючая хмарь сама собой и рассосалась бы, а так в салоне до сих пор стоял едва уловимый душок из-за невовремя закрытой форточки. Мусор там, что ли, жгли на берегу? Вроде торфяных болот поблизости нет, хотя от них, скорее сероводородом несёт – тоже мерзко, но как-то по-другому...

В любом случае, из-за плохой видимости мы явно заехали не туда.

– Ну, и чё делать будем? – ехидно поинтересовался Лёха.

– Не знаю, – честно ответил Егорыч. – Никаких указателей ни слева, ни справа. А по километражу, ити его в душу, мы

уже давно должны были приехать!

– Мужики, давайте назад, – внёс своё рацпредложение вернувшийся Илья. – Ну его нафиг, вернёмся к посёлку, спросим дорогу у местных.

– Дорога тут одна!

– Как видишь – нет. А поехав не в ту сторону, мы окончательно заплутаем. Я лично не хочу в машине ночевать.

– Поддерживаю, – отозвался Лёха. – Тут всего-то тридцатка...

– Мы, вообще-то, больше проехали, – напомнил я всем. – Но согласен, нужно вернуться.

– Ла-а-адно, – с досадой протянул Егорыч. – Но если окажется, что я ехал правильно...

– Компенсирую, – успокоил его я.

Понятное дело, водитель сэкономленный бензин в мыслях уже реализовал, возможно, даже отметил это дело, и терять предполагаемый бонус отказывался до последнего. Но благо, музыку тут заказываю я – деньги пока есть, хоть и немного. Ну ничего, скоро они мне вообще не понадобятся, недаром пришлось проделать такой длиннющий путь сюда.

Машина ловко крутнулась на пустом перекрёстке и покатила обратно. Ехали медленней обычного, видимо Егорыч не оставлял надежды найти заветный указатель и доказать нам, как мы глубоко ошибались. А меня, тем временем, начало всё сильнее укачивать – чёртов серпантин доконает кого угодно, а с моим нынешним вестибулярным аппаратом...

В общем, мне снова понадобился волшебный пакетик.

Илья, уже привыкший к подобной процедуре за прошедший день, потянулся было к картонной упаковке, как вдруг машина резко дёрнулась, под унисон истерично завизжавших тормозов.

– Ё-о-оп... – успел прохрипеть Егорыч.

И тут последовал удар.

То, что я не слетел с кушетки на пол, исключительно заслуга расторопного Ильи. Самый молодой член экипажа – обладатель ухоженной короткой бороды, вошедшей недавно в моду – исхитрился поймать меня буквально в воздухе. Сам он, правда, крепко приложился плечом о перегородку салона, но хватку не ослабил.

Машина, наконец, встала. Мой желудок, и так неважно себя чувствующий, скрутило в диком спазме. И опять на помощь пришёл Илья – помог перевернуться на бок и поддерживал голову, пока меня не отпустило. Благо, я предусмотрительно ничего не ел накануне, и рвало лишь выпитой водой с примесью желчи. В такие моменты особенно остро ощущаешь себя беспомощным огрызком человека, но ничего тут не поделаешь. Из хороших новостей – повезло испачкать упавший плед, салон от моей внезапной слабости вроде не пострадал.

– Спасибо... – вот и всё, что я смог прохрипеть.

– Да не за что, – медик утёр гигиенической салфеткой мои грязные губы и уже громче поинтересовался. – Народ, что

там?

– Походу, сбили кого-то, – тихо отозвался Лёха.

– Сука, ну прям под колёса...

Водитель заглушил двигатель и выскочил из кабины.

– Сундук готовить? – решил уточнить Илья. – Человек, животное?

– Давай, я ноги вроде видел.

Снова хлопнула дверца.

«Сундуком» на местном медицинском жаргоне называют реанимационный комплект в защитном пластиковом контейнере ядовито-оранжевого цвета, с полукруглой откидной крышкой. Медик схватил его за синюю ручку для переноски, окинул меня быстрым взглядом и присоединился к товарищам на улице. Приоткрытая им боковая дверь тихонько скользнула на рельсе обратно, едва слышно щёлкнув замком.

Снаружи окончательно стемнело, единственным источником света были фары автомобиля – «мигалку» на крыше никто включить не догадался, да и толку от неё мало. Хотя Лёха светил по сторонам фонариком от планшета – яркие отблески хаотично метались в тёмных окнах.

– Эй, ну что там, нашли?

– Да, иди сюда, бегом!

Дальнейших фраз я не разобрал, со звуконепроницаемостью в салоне было всё в порядке. Комфорт, как и хотел.

Похоже, тело сбитого бедолаги отбросило куда-то за обочину, где его и обнаружили подоспевшие медики. Тут уж и

не скажешь – повезло ему или нет. Вроде бы и «скорую» вызывать уже не нужно, а с другой стороны – неплохо под колёса совсем не попадать.

Лучше бы он там был повнимательнее на дороге, последняя встряска как нельзя хуже отразилась на моём многострадальном организме. Перед глазами плыли разноцветные круги, штормило так, будто я выпил литр дешевой водки натошак, а звуки воспринимались как через ватные тампоны – по всем признакам надвигался новый приступ. Не дотянул я до санатория, увы.

Врачи мрачно предрекали, что после очередного обморока я могу уже не очухаться, хотя и буду формально ещё живой. Господи, пусть они окажутся хоть разок неправы – лежать ещё несколько месяцев перезрелым овощем, пока жизнь в теле не угаснет совсем – не мой выбор. И вообще, хочется напоследок побыть на берегу, посмотреть на водную гладь...

Но, честно говоря, красоты природы не главное, что тянуло меня к Телецкому озеру. Куда важней была конфиденциальная договорённость с местными ребятами, обещавшими не дать мне зачахнуть в беспомощности. Благо лицензия, выданная их заведению, позволяла содержать даже таких доходяг как я. И вот как всё обернулось.

Между тем экипаж машины боевой продолжал общаться друг с другом на повышенных тонах, граничащих с криком. Похоже, реанимацией никто из них не занимался. Неужели

насмерть? Ехали мы небыстро, но тут уж как повезёт, можно вообще на ровном месте споткнуться и шею себе свернуть. Запросто.

Для меня в таком состоянии каждая секунда растягивалась в маленькую вечность, но что-то они там действительно тормозят. Если несостоявшийся пациент уже зажмурился, то можно смело грузить его в салон, благо места хватит, и ехать дальше, навстречу к цивилизации. Я не против соседа, даже такого молчаливого. Лишь бы снова в путь.

Ментов всё равно отсюда не вызвать, ждать их в этой глухомани нет смысла. Чего ж тогда за совет в Филях? Решают, оставить ли тело? Странно, ведь скрыть-то не получится – в посёлке нас видели, трафик в этих местах небольшой, а помятая морда машины – это стопроцентная улика. Тут не надо быть гением сыска, чтобы вычислить конкретную «скорую», тем более, с новосибирскими номерами.

А если попробуют закопать? Да ну, бред какой-то...

И тут, будто в подтверждение моих мыслей, слева от машины раздался громкий рык, пробившийся в сознание сквозь двойную шумоизоляцию. Вроде бы глюков до сих пор я даже от лекарств не ловил, но попробуй угадай, какой участок мозга придавила на этот раз чертова опухоль. Я в первое мгновение даже подумал, что какой-то малогабаритный трактор к нам приближается, но потом до меня всё же дошло – это животное. А кто может так оглушительно заявить о себе в здешних лесах? Медведь? Ну, только если ему слон на

ногу нечаянно наступит...

Однако слуховая галлюцинация и не думала проходить, чудесно диссонируя со звоном, нарастающим в голове. Может, перед комой люди ощущают то же самое?

Экипаж «скорой» в беспамятство не собирался, но судя по их испуганным вскрикам, рычание они тоже услышали и поспешили обратно, к машине. По крайней мере, мне так показалось – в тот момент я уже ни за что не мог бы поручиться наверняка.

Вроде бы неведомый зверь на мгновенье умолк, а потом пошла такая звуковая вакханалия, что хоть фильм ужасов снимай – вопли, стоны, один раз что-то тяжелое ударило в борт, заставив машину покачнуться. Да что там вообще творится, мать вашу?!

И так же резко всё стихло.

– Ни хрена у вас тут медведи... – прошептал я онемевшими губами, из последних сил пытаюсь приподнять потяжелевшую голову.

Отчасти, этот подвиг мне удался, и моему помутневшему взору предстала прощальная картина этого мира – огромные серые когтистые лапы со странными металлическими браслетами, похожими на средневековые колодки, разрывали задний борт многострадального «Транзита» будто тонкую фольгу. Внутри салона щедро брызнуло стеклом, но я уже без сил повалился обратно. В голове оглушительным набатом билась застоявшаяся кровь, не находя себе выхода.

«Определённо, не медведь», – успел я мысленно классифицировать неведомого ночного зверя и провалился в липкую темноту.

Глава 2

В себя мне доводилось приходить по-разному. Иногда резко – по зову службы, начальства или собственного организма после очередной безудержной пьянки. Иногда процесс прощания с грёзами затягивался, особенно в короткие выходные. А бывало, очухивался я уже на ногах, наполовину кое-как одетый или не пойми с кем в обнимку, без малейшего понятия, что вообще происходит.

После же участвовавших в последнее время приступов момент пробуждения напрочь стирался из памяти – вставшие набекрень мозги ещё не успевали вернуться на прежнее место. Но только не в этот раз. Я чётко помнил, что плыл куда-то в звенящей пустоте, словно астероид в космосе, а со всех сторон вместо звёзд на меня не мигая смотрели десятки тысяч глаз, горящих алым светом. От этих явно недобрых взглядов было не по себе, но деться от них было некуда, в какую бы сторону я ни двигался. Сколько продолжалось плавание – трудно сказать, антураж никак не хотел меняться. Один лишь звон постепенно нарастал, пока не оборвался звуком лопнувшей струны.

И я очнулся.

Вокруг тихо, лишь иногда доносятся странные звуки – то ли хлюпанье, то ли чавканье. Где-то на периферии сознания это вызывало беспокойство, но вот почему?

В многочисленных медицинских учреждениях, где мне довелось побывать, по прибытию обратно в реальность обязательно уточняли, насколько хорошо моё самочувствие. По десятибалльной шкале.

Сейчас, как ни странно, было на четверочку. Прохладно, даже как-то зябко. Во рту сушь, как после ночного загула, многострадальная голова тихо потрескивала, но в целом куда лучше, чем накануне... Так, стоп!

Я настолько резко приподнялся, что даже привычные круги перед глазами не рискнули показаться. Первое что увидел – задних дверей у машины больше не было, лишь топорщились лохмотья металла в районе петель. Вот откуда такая морозная свежесть в салоне, я-то в одной больничной пижаме на голое тело. На улице, судя по коротким теням, стоял самый, что ни на есть, полдень. Видневшаяся часть дороги, по которой мы ехали накануне, слегка присыпана лимонно-жёлтой листвой с осин, стройным рядочком стоявших за обочиной. Через метров двести полотно сворачивало и терялось из виду. Ни одной машины в поле зрения.

Внутри, если не считать россыпей осколков стекла, обстановка не изменилась. Разве что плед, на который меня стошнило, куда-то пропал. Ну да невелика потеря, хуже другое – в машине кроме меня ни единой живой души. А что там за бортом?

Я уже привычно прислушался и тут же понял, что за звук с самого моего пробуждения не давал мне покоя – снаружи

кого-то ели. Особо при этом не скрываясь, с шумным чавканьем, изредка похрустывая костями. Ну, или тут просто рядом студенческая столовая, прямо на дорожке из морских ракушек.

И вполне очевидно, кто стал обедом, принимая во внимание фактическое состояние «скорой». Если серые лапы в браслетах мне не привиделись от острой нехватки кислорода, то считать всё остальное, услышанное до обморока, одним лишь бредом было как-то наивно.

Получается, ночью на ребят в кювете кто-то действительно напал, и, судя по крикам, загрыз. Не медведь. Потом этот чёртов «немедведь» захотел проветрить салон, оторвав к чертям обе задние дверцы, и, очевидно, увидел меня. Так почему я ещё жив?

Чавканье на несколько секунд прервалось, затем раздалось вновь, уже гораздо ближе.

Ладно, допустим, меня в тот момент можно было принять за свеженький труп. Разница невелика, тут только квалифицированный врач «кто есть кто» разберёт, который, похоже, остался в том самом кювете. Так себе гипотеза, но сейчас не об этом. В данный момент «немедведь» занят поглощением добычи. Хватит ли у него аппетита на четверых, с учётом того, что из мужиков никто не смог убежать?

Что-то подсказывало, что хватит. Как-то мы с приятелем-дальнобойщиком забирали его ротвейлера с дешёвого приюта по объявлению. Так вот он, проведя полторы недели

на китайском сухпайке, с энтузиазмом умял хорошее такое ведро жратвы. А потом еще половину. Параметры неведомого хищника мне неизвестны, но прикинув его рост с увиденными мною запястьями...

Может, это тот самый алтайский «снежный человек», мать его йети?

Ну, шучу, значит уже окончательно пришёл в себя. А налицо, между тем, две существенные несостыковки. Первая – времени прошло уже немало, что-то медленно «немедведь» добычу приходит. Вторая ходка или сородич? Чур-чур-чур, не хватало только стаи такой вот непонятной херни, терроризирующей местную округу. Кстати, о местных. Странность номер два – даже если никому спастись из экипажа не удалось, где остальные люди? В самом Артыбаше живёт никак не меньше тысячи человек, это не считая многочисленные кемпинги, гостиницы и санатории, разбросанные по берегам Телецкого озера. Да, тут трафик не как в Сочи, но всё же – день на дворе, кто-то должен был проехать туда или обратно и заметить помятую «скорую» посреди дороги, не говоря уже о трупах.

Или проезжали, но «немедведь» и о них позаботился? Мда, кажется, я потихоньку и сам бредить начинаю, без участия опухоли.

Но мозг всё-таки размял перед обдумыванием главного вопроса – а мне-то что делать?

Пока я изображал из себя диогеновского мыслителя без

бочки, прожорливый зверь, судя по звукам, подобрался ещё ближе. Так, глядишь, скоро он и в салон снова заглянет, проверить, не проветрилось ли залежавшееся мяско. Не спорю, о конечной цели моего путешествия я не забывал ни на минуту, но становится чьей-то закуской категорически не хотелось. Моё тело практически не слушается, а вот чувствительность никуда не делась – даже пара мелких царапин от осколков на ногах саднили вполне отчетливо.

Если меня будут жрать живьем, то мне ни один смертник на электрическом стуле не позавидует.

Так, а что я могу? Мой мозжечок практически раздавлен всмятку – двигаюсь как больной ДЦП после удара током. Стоять не могу, сижу с трудом, здорово получается только лежать. На своих двоих от «немедведя» точно не уйду. Более реален побег на машине, если только Егорыч оставил ключи в замке зажигания. И это не самая большая проблема – из салона в кабину можно попасть исключительно через небольшую двойную форточку под самой крышей. Для здорового человека такой трюк вполне возможен, если он в своё время не злоупотреблял пивом и фастфудом, а вот для меня – нет. Значит, придется выползти на улицу, на встречу к трапезничающему хищнику.

Если посчастливится с ним как-то разминуться, придётся вспоминать подзабытый навык вождения автомобиля. Правда, из-за произвольных сокращений мышц есть немаленький такой риск улететь с полотна в крепкие объятья придо-

рожной осины, так что ехать нужно медленно и осторожно. То-то «немедведь» удивится...

Так себе план. А что ещё остаётся – покорно ждать своей участи? Или громко звать на помощь, как делают в низкобюджетных ужастиках?

Ладно, хватит терять время, и так чёрт его знает, сколько здесь провалялся. Я неловко завозился на кушетке, разогревая затёкшие мышцы перед важным рывком. Главное – тихо спуститься на пол, ничего не зацепив при этом в тесном салоне «Транзита». Тут полным-полно всего – начиная от многочисленных полок и боксов, кончая медицинским оборудованием, торчащим буквально отовсюду. Сплошная эргономика, плюнуть некуда. Как ко всему этому удалось вписать в пространство целых два кресла с высокой спинкой – знает только главный конструктор «Форда».

Сделав несколько глубоких вздохов, я уже приготовился спускаться вниз подрагивающую ногу, как на улице тихо чвякнул выстрел. Судя по звуку – винтовочный, с применением дешёвого или вообще кустарного глушителя. Неведомый хищник возмущенно взревел было, но его грубо прервала частая россыпь хлопков. После десятого-двенадцатого, примерно, снова наступила тишина. Неужели мне разок, для разнообразия, решило повезти?

Да уж, местные охотнички под стать фауне – у нас за такие дела положена вполне конкретная статья. С конфискацией и прочими крупными неприятностями.

Но в тот момент я готов был поклясться, положив руку на Конституцию, если понадобится – «немедведь» сам суициднулся, не выдержав нервного потрясения. Где взял оружие и куда его потом дел – думайте сами, товарищи следователи, вам за это зарплату платят. А то любят у нас внутренние органы страны закрывать редких сознательных граждан, протянувших в критический момент руку помощи.

Никто ведь никогда не задумывался, что Красную Шапочку от волка спасли именно браконьеры...

Через несколько минут со стороны кабины раздались тихие шаги. Сам удивляюсь, как их в таком состоянии расслышал, до чего грамотно шли люди. Затем, куда громче, чем до этого, чвякнуло ещё раз. Всё правильно, без контроля к подранку лучше близко не подходить, особенно, когда он до этого он рвал автомобиль, как тузик несчастную грелку.

После короткой паузы шаги возобновились. Судя по всему, «браков» было двое – один чуть позже остановился где-то за обочиной, а вот второй направился проверить самочувствие подстреленной добычи. Почему именно они, а не, к примеру, военные или полиция? Да потому что глушители – не самый распространённый навес на вверенном государством оружии, и вообще вкрадчивость не в их стиле. И я скорее поверю, что только что пристрелили последнего представителя тупиковой ветви эволюции – несчастного «снежного человечка», невесть как выживавшего до этого на Алтае, чем в то, что это работает какой-нибудь спецназ.

Однако, следовало и проявить вежливость – как-нибудь опознаться, а то люди, преступившие черту закона, обычно бывают нервными. Но пересохшее горло издало лишь едва различимый сип. Чудесно. Как назло, обезвоживание после отключки навалилось изо всех сил, было такое ощущение, что слюна во рту попросту не вырабатывалась, а спасительная влага находилась вне досягаемости – в самом дальнем боксе на противоположной стене.

Спустя примерно минуту мучений мне удалось издать хоть какие-то звуки, и шаги стали приближаться. Человек предусмотрительно не стал подходить к автомобилю вплотную, а пошёл по короткой дуге против часовой стрелки, пока не поравнялся с развороченным задним бортом машины.

Как я и предполагал, моим спасителем оказался обычный невысокий мужик в разномастном грязном камуфляже и высоких резиновых сапогах на завязках. Лицо простецкое – таких небритышей с носом-картошкой в любом местном посёлке через одного. Наверняка облысевшую голову прикрывала зелёная бандана, в руках – воронёный ВПО-136 с накрученным металлическим набалдашником на стволе. Для тех, кто не в теме – это гражданская версия легендарного АКМ, из которого его, собственно, и штампуют. Изменения минимальны, карабин с лёгкостью принимает армейские магазины. Вот только больше десяти патронов заряжать запрещено законом, поэтому в комплекте идут «рожки» с проволочным ограничителем. Но кого это в нашей стране останавливало?

У этого никаких ограничителей точно нет, готов поставить на кон левую почку.

Задержи я такого красавца в прежние времена – могли и годовую премию за раз выплатить.

– Ё..шки-воробушки! – прокомментировал он увиденное, и резко навёл ствол на меня. – Эй, хлопец, если ты живой, отзовись!

Я, конечно, выгляжу так себе, но перепутать меня, приподнявшегося на локтях, с трупом – это немного оскорбительно. Увы, но речевой аппарат так и остался неспособен произнести вслух всё, что думаю о мыслительных способностях местного стрелка. Поэтому пришлось невербально выказать своё отношение к данному вопросу – отогнутым средним пальцем, приложив кое-как вторую руку на изгиб локтя. А чего мне, собственно, терять?

Как ни странно, данный жест полностью удовлетворил мужика, и он отвёл оружие в сторону.

– Декан, у нас тут живой!

Второй браконьер вслух не отозвался, но уже через полминуты появился в проёме с карабином наизготовку, только без самопального глушителя. Одет он был практически так же, лишь вместо банданы его голову украшала выдавшая виды рыбацкая шляпа с понуро обвисшими полями. Лица толком и не разглядишь из-за пышной тургеневской бороды, но он всё равно умудрялся производить впечатление интеллигента, в отличие от своего спутника. Навскидку ему было

около полтинника – седины порядочно, да и морщины у виска глубокие.

– Здравствуй, – он полез внутрь кабины и уселся в кресло напротив кушетки, положив оружие на колени. – Говорить можешь?

Общался старший браконьер хорошо поставленным баритоном, держался уверенно, хоть и с долей осторожности. Рук с карабина не убирал.

Я поднёс шатающуюся руку к губам, изобразив пантомиму «конченный алкаш пытается опохмелиться». Мужчина понимающе кивнул и снял с пояса обычную армейскую фляжку в брезентовом чехле. Покрутив её в руках с задумчивым видом, он, однако, повесил ее на место, спросив:

– Обычная вода здесь есть?

Проследив за моим взглядом, браконьер отрыл один из боксов на стене, и вынул оттуда парочку пол-литровых пластиковых бутылок. Время, за которое он отвинчивал тугую крышку, показалось мне вечностью. Стоило горлышку прикоснуться к губам, я присосался к источнику жизни как голодный телёнок к материнскому соску, опустошив ёмкость в несколько жадных глотков. Как умудрился не подавиться – не пойму, но вторую бутылочку выпил уже осторожней, приподнявшись на локтях.

Мужчина покачал головой, оценив мою жажду, и уточнил:

– Ну как?

– Спасибо... – слова давались с трудом, но получивший

необходимую влагу организм начал потихоньку оживать. – Хотя от коньяка тоже... Не отказался бы.

Бородач хмыкнул, погладив фляжку на боку.

– Здесь напиток куда лучше, но сначала несколько вопросов. Это тебя везли на «скорой»?

Я ожидал чего угодно, кроме такого идиотизма, поэтому брякнул первое, что пришло в голову:

– Не, меня на дороге подобрали... Прямо в пижаме.

– Шутишь, это хорошо, – одобрительно кивнул браконьер. – Куда ехали?

Нет, он меня точно доконать пытается! Поважней нет ничего спросить?!

– Сначала к озеру, – набравшись терпения, принялся я объяснять. – Но заплутали и решили вернуться обратно.

– Что за озеро?

– А их что, тут больше одного?! – прошипел я. – Хватит тянуть кота за яйца, что с экипажем?

Не будь вырванных у меня на глазах с мясом дверей, подумал бы, что это всё – розыгрыш от местного телевидения «Глухомань-ТВ». Уж настолько нелогичным был собеседник, да и вообще вся ситуация в целом. Но не станут же они издеваться над смертельно больным?

– Все четверо мертвы, – охотно ответил бородач. – А что касается озёр – их да, тут несколько. Но вряд ли вы направлялись именно к ним.

Четверо? Ах, да, Егорыч ведь сбил кого-то накануне, пе-

ред всей этой свистопляской. А что насчёт местной гидрологии – может это у меня очередной кусочек мозга отъехал, который отвечал за географию?

– Кто... их всех?

– Об этом позже, – уклонился мужчина и обратился к спутнику. – Ломоть, кстати, займись им, я тут справлюсь.

О, как у них – никаких имён, всё по кликухам, предусмотрительно. Дежуривший у машины напарник кивнул и пропал из поля зрения. Пошел разбираться с кем, с «немедведем»? Разделять на трофеи? Хотел бы я на это посмотреть...

– Как вообще самочувствие, голова не болит? – продолжил странный допрос так называемый Декан.

– Раскалывается, – признался я. – Но терпимо.

– Давно?

– Месяцев четырнадцать как.

Мужчина снова хмыкнул и уточнил:

– Здесь вы давно?

– Со вчерашнего вечера. Точней сказать не могу – счастливые часов не наблюдают.

– Тогда у меня хорошие новости, – он снова потянулся к фляжке. – Возможно, ты будешь жить.

– Ага, но недолго, – подтвердил я. – Особенно после алкоголя. Хоть он и расширяет сосудики, но крайне не рекомендуется в моём случае. Прошу не считать это отказом.

– Здесь не только алкоголь, – пояснил бородач. – Это, хм... лекарственная настойка. Сразу предупрежу – вкус так

себе, но выплёвывать запрещаю.

– Так точно, – я привычно выдохнул и сделал пару глотков из протянутой фляги.

За мою недолгую, но безусловно, яркую жизнь мне доводилось пить разное – от дешевого самогона на портянках, до элитного вискаря за пару тысяч «евриков» за бутылку. Но такой гадости я ещё не пробовал. Даже разведённая в плохо отмытой химтаре чача из прокисшего инжира, которой меня как-то угостили в одном далёких от цивилизации аулов, была нектаром богов по сравнению с этой кислятиной.

Такое ощущение, что кто-то эту жидкость уже выпил, но его стошнило обратно в несчастную флягу.

– Херня эти ваши целебные алтайские травы... – выдавил из себя я, когда сведённое спазмом горло вновь смогло дышать.

– Здесь нет трав, но это действительно очень мощное лекарство, – убеждённо заявил Декан. – Поздравляю, теперь ты вылечишься.

– От рака?!

– От всего, – отрезал мужчина и встал с кресла. – Где капельницы?

Всё ясно – псих. Насмотрелся я на таких «целителей» в своё время...

– Слушай, приятель, оставил бы ты меня в покое, – как можно мягче попросил я. – Глядишь, скоро менты приедут, а тут вы с огнестрелом бегаετε...

Только сейчас заметил ещё и пистолет в набедренной кобуре, когда мой спятивший спаситель потянулся за штативом и камуфляжная куртка задралась. Ну, зашибись.

– Ты и правда думаешь, что дождёшься их? – спокойно задал вопрос бородач, взясь с пакетом физраствора.

Другого на моём месте, парализовало бы к чертям от страха, но алкоголь неожиданно смог прочистить затуманенную после приступа голову. Я ещё раз взглянул на события прошедших часов со стороны – нестыковки с картой, аварию, нападение неведомого зверя и последующее спасение, пришедшее не от правоохранительных органов, а от двух заросших мужиков с карабинами...

После чего честно ответил:

– Уже не уверен.

– О, делаешь успехи, – похвалил Декан. – Я не буду тут рассусоливать, так как времени у нас очень мало. Просто ответь – ты хочешь жить?

Странно, но мне с каждой минутой действительно становилось всё легче, даже и не помню, когда в последний раз чувствовал себя настолько хорошо.

Чего скрывать, в последнее время мысль, что меня скоро не станет, прочно засела в голове и не вызывала того шока, что раньше. Но я не был бы собой, если задумался даже на мгновение над ответом.

– Да!

– Ну, вот и славно, – бородач улыбнулся и повесил собран-

ную капельницу на штатив и достал из внутреннего кармана маленькую коробочку-пенал, в которой оказалось три тоненьких шприца.

– Эй-эй-эй, ты что делаешь?! – послышалось от заднего борта.

Это вернулся Ломоть, вытирая руки об какую-то тряпку. Не слушая его, Декан ввел вещество из шприца в пакет, после чего закатал мне рукав на правой руке и ловко воткнул иглу катетера в вену, попутно поинтересовавшись:

– Что нашёл?

– Пустой! – сокрушенно вздохнул его напарник.

– Совсем?

– Два спорана всего... Нет, ну нафига ты на него тратишься?

– Он иммунный, а нам нужен будет помощник.

– Из него? – хохотнул браконьер. – Слушай, паря, ты ходить-то можешь?

– Нет, – не стал я завираться. – Но зато неплохо ползаю.

Декан коротко рассмеялся и похлопал меня по плечу:

– Ну что ж, так тому и быть – будешь Полозом. А своё прошлое имя забудь, оно тебе больше без надобности. Если кто спросит – я твой крёстный. Всё понял?

– Отзывать на Полоз, имя не вспоминать, – принялся я перечислять. – Крёстный мой – Декан, вечер в хату, жизнь вора. Ничего не забыл?

– Юморист, на... – сплюнул Ломоть.

– Мы не уголовники, – покачал головой браконьер, пристраивая за спину наверняка нелегальный карабин. – Просто хотим выжить. Ты больше не на Земле в привычном понимании этого слова, а в совершенно ином, враждебном мире. Здесь его называют по-разному, но мы предпочитаем Стикс. Вы же наверняка проезжали туман, перед тем как это всё началось?

В голове уже окончательно прояснилось – чтобы там ни было во фляжке, на меня это подействовало исключительно положительным образом. Даже руки стали трястись меньше обычного. Я не стал неверяще фыркать, как наверняка поступили бы девять из десяти людей, оказавшиеся в моей шкуре. Меня вообще всегда бесили недалёкие личности, не умеющие делать очевидных выводов. И если в кино и литературе им это ещё можно простить, то в реальной жизни...

– Причем здесь туман?

– Сквозь него мы все сюда проваливаемся, но как и почему это происходит – никто не знает, – пожал плечами Декан и направился к выходу. – Большинство людей в первые же сутки-другие превращаются в кровожадных упырей, но единицы как мы – имеют иммунитет. Упыри отъедаются на трупах и растут, выжившие охотятся на них ради лекарства. Да, того самого, которое ты только что выпил. Мы все вынуждены регулярно его употреблять, чтобы не умереть. Оно не только ускоряет регенерацию, но и помогает нам остаться в сознании.

– Я так понимаю, ты по лекциям соскучился, – нетерпеливо вклинился в повествование Ломоть. – Но мы и так опаздываем.

– Ты прав, разговоры потом, – мужчина спрыгнул с подножки и обернулся ко мне. – Полоз, слушай внимательно. Через несколько часов мы вернёмся, к этому времени тебе должно полегчать настолько, чтобы самостоятельно передвигаться. Оставайся в салоне, здесь тебе ничего не угрожает – запах твари, которую мы убили, отпугивает большинство местных обитателей, кто послабей.

– А что на счёт самой машины? – спросил я на всякий случай, ибо ещё не до конца уверовал в целебную силу выпитой бадяги. – Она вроде должна быть на ходу.

Что будет, если к их приходу я всё же не смогу уверенно ходить? Бросят ли меня здесь, или пристрелят как опасного свидетеля?

– Куда мы идем, дороги точно нет, а насчёт обратного пути... – задумчиво протянул Декан.

– Ключи я нашёл, – вставил Ломоть, видимо, тоже не горевший желанием пилить на своих двоих.

– Решим, когда вернёмся. А ты отдыхай, лекарство должно скоро подействовать. Постарайся уснуть, так выздоровление скорей пойдёт.

Браконьеры, или кто они там были на самом деле, скрылись из виду. Ещё какое-то время я слышал их шаги, после чего снова остался на дороге один, но в куда лучшем настро-

ении, чем накануне. От мыслей и вопросов бурлила многострадальная голова, радостно бухало сердце в груди. Я буду жить! Где, и как долго, это выясним потом, а пока я просто радовался уже тому, что не доживу последние дни беспомощной грудой костей, обтянутых бледной кожей, гадя под себя и пуская слюни на подушку.

Спустя некоторое время чувство эйфории постепенно улеглось, и внезапно навалилась сонливость, будто я не час назад проснулся, а Новый год всю ночь праздновал. Нужно на боковую, как и советовал Декан – регенерировать, словно в какой-нибудь компьютерной игрушке. Кое-как дотянулся рукой до соседнего сиденья, где по-прежнему лежала модная куртка Ильи, земля ему пухом, которую он впопыхах забыл надеть, перед тем как выскочил оказывать первую помощь сбитому пешеходу. Не плед, конечно, но укрыться можно, благо на улице сейчас по-осеннему тепло.

Спал я на этот раз без сновидений, как после тяжёлого рейда в горы, никакие горящие глаза меня не преследовали. Всегда бы так.

Проснулся уже в лёгких сумерках, отдохнувшим и посвежевшим. Тяжесть в голове практически прошла, тело больше не ощущалось придатком, дрожащим от малейшего мышечного усилия, а главное – я зверски хотел жрать.

Как говорил один мой знакомый врач – голодного пациента можно уже выписывать. Эх, увидь он меня сейчас, боюсь, плюнул бы на кодировку и полез в шкафчик за шкали-

ком медицинского спиртагана.

Я осторожно вынул иглу из вены, поморщившись от боли – прилипла, зараза, от засохшей крови. Капельница давным-давно закончилась, но я не умер от попадания воздуха в кровь, чего панически боятся многие пациенты-новички – жидкость в катетере остановилась сантиметрах в двадцати от иглы. Что ж, опытным путём доказано, что в этом мире элементарную физику никто не отменял.

Поверил ли я словам Декана? Тяжело было усвоить мысль о том, что меня телепортнуло к чертям на рога из-за какого-то вонючего тумана, но это пока хоть какое-то объяснение творящемуся вокруг фестивалю абсурда. Своих удобоваримых версий у меня пока нет. Посмотрим, что будет дальше, слишком мало информации для анализа.

А теперь к приятным тестам. Я попробовал согнуть-разогнуть руку в локте – получилось вполне сносно, без дурацких рывков, как раньше. Правда, дрожь никуда не делась, хоть и чуть поутихла. Ну, Макдональдс не сразу строился, глядишь, скоро ложкой не в глаз, а в рот попадать начну. А вообще результаты неведомой терапии впечатляющие, тело снова слушается, не то, что вчера...

Точнее – сегодня. Или...

Нет, подсознание всё-таки интересная штука – до меня только сейчас дошло, что сейчас утро, а не вечер, и на улице с каждой минутой светлеет. Птички, опять же, по-особому поют. А это значит, что я благополучно продрых никак не

меньше полусуток. Прав оказался Декан – никакие упыри меня не потревожили.

Вот только где он сам?

Глава 3

Илья Муромец просидел на печи тридцать три года, после чего встал и начал неистово отвешивать всем – от Киева до Константинополя. Никто из басурман от него не ушёл, обделённый вниманием.

Я же провёл на конкретно этой кушетке всего двое суток, до этого провалявшись ещё одиннадцать месяцев в различных учреждениях, и моим достижением стало сползти с неё, не обделавшись. Есть, куда расти.

Встал, опёршись рукой об стенку салона. Немного кружилась голова – от высоты, что ли? Привык уже к лежачей жизни...

Через минуту-другую немного отпустило, и я смог заново осмотреться. Взгляд тут же зацепился за одну из пластиковых полочек сбоку от сиденья, где обнаружилась давешняя фляжка в болотно-зеленом чехле. Декан нарочно не стал оставлять её на виду, видимо, не хотел новой волны возмущения со стороны напарника.

– Спасибо тебе, крёстная фея, – искренне поблагодарил я бородача, и сделал осторожный глоток.

Да, к этому сложно будет привыкнуть – мерзость редкостная, особенно, если вспомнить, что это не травяной настой. Но кто сказал, что лекарство от всех болезней должно быть ещё и вкусным? Я прикинул оставшийся объём, взбултыхнув

жидкость во фляжке – примерно три четверти. На сколько мне этого хватит?

Без точной информации можно рассуждать хоть до потери сознания, поэтому просто возьмём за аксиому то, что любое лекарство – строго дозированный яд. Тут главное не переборщить, но и обделять свой поправляющийся организм тоже чревато.

На ум сразу пришла давешняя фраза о регулярном употреблении этой жидкости всеми иммунными, чтобы банально оставаться в сознании. Декан оставил мне свою флягу, рассчитывая вернуться примерно через несколько часов, а значит, этот или чуть больший срок он мог спокойно без неё обойтись. Думаю, двухразового приёма в сутки вполне хватит, а там посмотрим по состоянию.

Какой бы гадостью настойка ни была – действовала она безотказно. Ослабевшее головокружение окончательно отступило, и я внезапно понял, насколько хорошо стал видеть – будто мутную плёнку с глаз содрали. В лучах разгорающегося нового дня обивка сидений выглядела нестерпимо красной, хотя до этого казалась мне блекло-коричневой. И так куда ни глянь. Даже цвет кузова стал насыщенней – ехидно-жёлтым, будто кто-то подкрутил мои внутренние настройки, как у какого-нибудь компьютерного монитора.

В общем, мир передо мной заиграл новыми красками, а уж чей он – наш или чужой, предстоит выяснять самому. Что-то подсказывало мне, что Декан и Ломоть вряд ли уже

вернутся, куда бы они ни шли. Слишком долго их нет.

Мне предписывалось лежать ветошью в безопасной машине до прихода спасателей, но вокруг начинало отчётливо тянуть гнильцой – мясо на открытом воздухе быстро разлагается, особенно под прямыми солнечными лучами. Не знаю как упыри-вурдалаки, но обычные лесные падальщики скоро пожалуют сюда в гости, а у меня убежище совсем не герметичное. Нужно либо запираться наглухо в кабине, надеясь на лучшее, либо валить отсюда. Увы, но я пока слишком лёгкая добыча для всех, крупнее белки. А посему следовало прикинуть возможные средства самозащиты.

К сожалению, из оружия нашёлся лишь остроконечный медицинский скальпель, чью гладкую металлическую рукоять я практично обмотал ленточным лейкопластырем в несколько слоёв. Остальное оказалось либо намертво привинченным к днищу и стенкам автомобиля, либо непригодным для нанесений тяжких увечий.

В процессе поисков был обнаружен сверток с чьей-то закуской – пара бутеров в фольге и варёные яйца, которые тут же были уничтожены мной в рекордные сроки. Голод чуть отступил, но полностью побороть его не удалось. Видимо, чудесная регенерация требовала слишком много калорий, а подкожный жир у меня по причине тяжёлой болезни практически отсутствовал. На больничной еде особо не отъешься, особенно когда тебя стабильно выворачивает наизнанку из-за взбесившейся вестибулярки.

Невеликие мои силы следовало жестко экономить, как и подаренное лекарство. Поэтому из салона на свет божий я выбирался осторожно и неуклюже, как кукушонок из гнезда. Хотя это было недалеко от истины – можно сказать, в этом осточертевшем салоне «скорой» произошло моё второе рождение. Я самый настоящий, мать его, феникс от онкологии.

И всё же, каким же кретином надо быть, чтобы рассчитывать незаметно проползти под носом у обедающего монстра, да ещё и в тогдашнем состоянии! Без вариантов, сожрал бы он меня, давясь от смеха.

Кстати, о монстрах. Осторожно ступая босыми ногами в одних тонких носках по холодному асфальту, я приблизился к неприглядной мешанине человеческих останков, возле которой покоился подстреленный «немедведь». Всего метров пятнадцать до него оказалось, совсем близко подобрался. Недовольно каркая, взлетело несколько ворон, больше движения не наблюдалось. Отлично.

В самих трупах не было ничего интересного – да, разорваны и частично объедены, но я на такое уже вдоволь насмотрелся на службе – чего только в горах не случается. А вот мутант, или черт его знает, кто он там на самом деле, смог удивить. До такой степени, что остро захотелось выбросить бесполезный скальпель куда подальше и задёрнуться в истеричном смехе.

– М-да, приятель, нам определённо понадобятся пушки покрупнее, – произнёс я вслух, чтобы вновь обрести хоть ка-

кое-то душевное равновесие.

Росту в нём оказалось под два метра, а комплекции поза-видовал бы любой тяжелоатлет на стероидах – мышцы так и бугрились под толстой кожей. Голова сохранилась лишь частично из-за контрольного выстрела, но массивная нижняя челюсть впечатляла. Зубы в ней помещались с трудом и агрессивно выпирали наружу. Такими мясо рвать – одно милое дело, чем он и занимался до самой своей преждевременной кончины.

И всё-таки, несмотря на жуткие изменения, раньше ЭТО точно было человеком – на могучем торсе сохранились остатки какой-то верхней одежды, превратившиеся в заду-бевшую от грязи корку.

Что ж, слова Декана полностью подтвердились. На старушке-Земле такого красавца даже в Кунсткамеру постеснялись бы засунуть. Однако вопросов только прибавилось.

И главным из них, пожалуй, был – где настоящий «немедведь»? Запястья, рвавшие задние двери, будут мне теперь до конца жизни снится, и общего с ними у застреленной твари было разве что количество пальцев. Пусть пепельно-серый цвет кожи мог привидеться из-за надвигающегося приступа, но те лапы по размеру лишь немного уступали ковшам мини-экскаватора. Не говоря уже об отсутствующих «кандалах», в которых уместилось бы моё бедро. Да, когти у покойного весьма впечатляющие, но для них расчленение небольшого автомобиля всё-таки стало бы проблемой.

Значит, передо мной просто любитель падали, который на свою беду прельстился уже остывшими трупами. Отсюда и разница во времени – с такой мясорубкой во рту он мог спокойно закончить с телами часа за три, и приступить уже ко мне. Но не успел.

– Ладно, посмотрим, что в тебе искал Ломоть.

Присев на корточки, я принялся методично исследовать тело, изредка помогая себе скальпелем. Пулевые отверстия от «семерки» выглядели обычно, как у любого крупного зверя, что внушало хоть какую-то призрачную надежду выжить в этих краях. Сторонних повреждений, которые наверняка должен был оставить браконьер, не обнаруживались вплоть до самой развороченной головы. На уцелевшем затылке твари, которую я, не зная местной терминологии, окрестил Крепышом, оказался глубокий разрез, вскрывший странное новообразование. Ну, привет, брат по несчастью!

Больше всего это напоминало некую кожистую полость, разделённую перетяжками на равные дольки, словно у мелкого мандарина. Естественно, внутри было пусто, если не считать ключев спутанных нитей, отдалённо напоминающих грибной мицелий. Но от сердца всё равно немного отлегло – не половые железы использовались для приготовления настойки, и то хорошо. Главное я уже понял, где искать. Знать бы ещё, что именно...

Пока жидкости хватит с запасом на пару дней, а там придётся как-то выкручиваться, прием-то регулярный.

Может, будет достаточно найти кого попроще? Декан говорил, что те, кому не повезло с иммунитетом, открывают в себе неудержимую страсть к мясному и начинают интенсивно отъедаться. На старте вряд ли они кардинально отличаются от обычных людей, а значит, и завалить их будет легче. Не зря же они запаха Крепыша должны были пугаться, как чёрт ладана. Но вот найдутся ли у них необходимые ингредиенты?

Кстати, надо взять за правило не бежать в объятья навстречу первому попавшемуся человеческому силуэту, а то мало ли.

Если же придется охотиться ради лекарства исключительно на таких живчиков, прежде нужно не одну свечку на удачу в церкви поставить, чтобы внезапно не поменяться ролями. При жизни Крепыш должен обладать запредельной силой и выносливостью, а значит – бить нужно наверняка. И не факт, что на финише затея увенчается успехом. Этот вот любитель человечинки оказался пустышкой...

Хотя в нём всё же оказались какие-то споры, нет, точнее – спораны. Идут ли они на лекарство?

Так, что-то я начинаю пилить шкуру неубитого медведя, не раздобыв даже мало-мальски пригодного оружия. На такого зверя с голой рогатиной не попрёшь – он тебе её в такое место может засунуть...

Я усмехнулся, чувствуя, как сильнее забилось сердце, до этого качавшее кровь по венам в обычном режиме. Что по-

делать – Его Величество Азарт. Неужели проснулись позабытые охотничьи инстинкты?

А вот мужиков из неотложки искренне жаль. Пропали ни за что, и даже похоронить их по-человечески у меня нет ни сил, ни возможности. Скальпелем, что ли, каменистую землю рыть? А вот они мне ещё могли кое-чем помочь, даже с того света.

Вся одежда на покойниках, включая неопознанного пешехода, оказалась в ужасном состоянии, прекрасно описываемом словом «лохмотья», а вот пара пригодной обуви нашлась. Крепкие кожаные ботинки принадлежали, кажется, Лёхе, размер – ходовой сорок третий, как и у меня. Подошва жестковата, но тут уж не до жиру. Отмыть их от крови и в путь, а иначе босиком мне далеко не уйти, даже по асфальту.

Обувшись, я вернулся к машине. Странно, но остатков дверей поблизости не нашлось, как и испачканного пледа. Вот реанимационный сундучок попался на глаза, хоть и в раздавленном виде. «Немедведь», что ли, их с собой прихватил?

В небольшую медицинскую сумку на ремне легко поместилась универсальная аптечка, запасная простынь-чехол на кушетку, две оставшиеся бутылки с водой и всякая мелочёвка, найденная в закромах салона. Плюс спирт, опять же, для дезинфекции и борьбы с осенней депрессией. И вообще, в состав неведомой настойки точно входил алкоголь, в качестве растворителя или катализатора – поди разбери.

В общем, получился импровизированный походный рюкзак для одинокого выживальщика.

Кабина неожиданно оказалось закрытой, я лишь убедился через форточку в отсутствии ключей в замке зажигания, и не стал лезть внутрь. До акробата мне ещё ой как далеко, ещё застряну ненароком. Вряд ли в бардачке окажется что-то кроме бумаг на машину и походного ремнабора с отвёртками. Самое важное уже нашлось, спасибо прижимистости Егорыча.

Положив сумку на пол, я двумя руками схватил обнаруженную в одном из нижних боксов запасную канистру и поволок её наружу. Тяжело, но куда деваться, будем считать это обязательной физиотерапией для выздоравливающего.

Предстояло щедро облить каждый фрагмент тел, разбросанных по округе, и постараться не испачкаться самому ещё больше. Проблема с разжиганием огня передо мной не стояла – в кармане куртки Ильи нашлась зажигалка в комплекте с пачкой тонких сигарет. Терпеть не могу запаха табака, мало того, что отбивает обоняние, так и слышно тебя зверю за версту. Подумав, я всё же не стал их выбрасывать – вдруг, когда пригодятся для налаживания контакта?

Через минут тридцать кропотливого труда канистра опустела. Я поджёг заранее смоченную тряпку, и, отойдя на безопасное расстояние, бросил её на ближайšie останки. Пыхнуло жаром, маленькой взрывной волной взметнув сухие листья в воздух. К счастью, трава вокруг была ещё достаточно

зелёная, так что лесной пожар маловероятен.

Всё, дело сделано. К тому, что останется после едкого пламени, животные ни за что больше не притронутся, из-за неистребимого запаха бензина. Надеюсь, это будет касаться и местных мутантов – как обычных, так и всяких Крепышей. И плевать, что сюда на огонёк может явиться кто-нибудь нехороший – не могу я оставить мужиков в таком виде, просто уйдя, стыдливо отводя взгляд.

Это не в моих правилах.

Глава 4

К полудню воздух прогрелся так, что пришлось снять куртку и идти в одной больничной пижаме. Слишком тепло здесь для осени, хотя местность вокруг вполне себе походила на алтайские предгорья. Дорога, извиваясь согласно перепадам рельефа, продолжала уводить меня на восток, подальше от развороченной машины. Возвращаться к треклятому перекрёстку, из-за которого мы и повернули назад, я не стал – до него было километров двадцать обычного полотна, вдоль которого нет ничего интересного, а в моём нынешнем состоянии это практически весь дневной переход.

Однако загадочное лекарство действовало безотказно – с каждым пройденным метром моя поступь становилась уверенней, хотя поначалу я едва передвигал ноги. Постепенно походка выровнялась, став обычным пенсионерским ковылянием, и это уже был существенный прорыв. Можно сказать – втянулся. Правда, чтобы не загнать себя, как лошадь Пржевальского, приходилось каждый час делать короткие привалы, восстанавливая силы. Мышцы, отвыкшие от каких-либо нагрузок за год, горели огнём, но я всё равно улыбался как распоследний дурак, с интересом разглядывая открывающиеся взору пейзажи.

Всегда любил горы. В них я вырос, возмужал, потом долгие годы работал, вплоть до того момента, как меня вежливо

не попросили уйти. Диагноз свой в тот момент ещё не знал – бегал по врачам, а поэтому ограничился лишь сожжённым егерским кордоном, да разбитием пары наглых лиц. Все-го-то.

Пусть в высоту местные возвышенности были куда ниже километра, но я всё равно чувствовал себя как дома. Жаль только, что из съестного встретились лишь заросли переспелой ежевики, а далеко от полотна я старался не отходить. Голод ягоды приглушали ненадолго, и через некоторое время он снова возвращался, как проклятый бумеранг.

Так совсем незаметно прошёл остаток светового дня, а в сумерках я решил не искушать судьбу и подыскал себе ночлежку. Мало ли, кто тут по ночам неприкаянный бродит.

За неимением других вариантов, пришлось довольствоваться небольшой расщелиной в камнях, метрах в двадцати от дороги. Углубление уже успело припорошить сухими листьями, я лишь натаскал туда ещё несколько охапок лесной подстилки, и просто закопался в неё, предварительно завернувшись в простыню. Спальник получился так себе, но и околеть от холода мне больше не грозило.

К счастью, погода стояла сухая и ветреная, так что относительный комфорт всё-таки присутствовал. И похуже доводилось устраиваться.

Ночью никаких подозрительных звуков не расслышал, благо за плечами не одна ночёвка в лесу – перекликались самые обычные птицы, беззаботно стрекотали сверчки. Ни

воя, ни рыка. Если кто и охотился поблизости, то делал это тихо и деликатно, не беспокоя посторонних лишней шумихой.

С первыми лучами солнца я откопался, как заправский зомби, испил водицы из бутылки и побрёл себе дальше. Голод донимал всё сильнее, а ягоды как назло перестали попадаться на пути. Организм всё требовательнее просил вожделенные калории, и я уже всерьёз подумывал уйти вглубь леса на поиски грибов или чего посущественней, как вдруг неожиданно вышел к Границе.

Как-то по-другому назвать это природное явление язык не поворачивался, уверен, местные старожилы его так и величают.

– Это как же... – покачал я головой и присел на ближайшее поваленное дерево, чтобы переварить увиденное.

В юности довелось мне попасть в хорошую компанию, которая помимо раскуривания кальяна и распития напитков разной степени горючести, весело проводила время за настольными играми. И не банальными «Мафией» или «Крокодилом», а настоящими шедеврами индустрии – «Подземельями и драконами», «Ужасом Аркхема» и прочей классикой. Позже компашка распалась, но кое-кто из них, я слышал, открыли своё антикафе в нашем городе. Всё порывался к ним зайти, да работа заставляла бывать как можно дальше от очагов цивилизации.

Так вот, была там у них одна игра с труднопроизносимым

названием, цель которой было построить сказочное королевство из выданных карточек с кусками карты. Стыковались они меж собой строго по определенным правилам, которые должны были исключить появление дорог в никуда, резкой смены ландшафта и прочих нелогичностей.

То, что я видел перед собой, напоминало именно нарушение этих самых правил в реальной жизни.

Словно бы по линейке, горы внезапно обрывались, уступая место пологим холмам, густо заросшим, казалось бы, обычным лесом, но без намёков на осеннее увядание. За моей же спиной в лиственных рощицах лишь процентов десять листвы не поржело, в основном у неторопливого дуба. Такую разницу объяснить одним лишь перепадом высот нельзя, да и чего он такой резкий?

Дальше – больше. Асфальтная дорога, по которой я двигался последние сутки, упиралась в небольшую речку. Пресловутую Бию я не видел, но точно помню, что там был мост, проехав который мы и попали в туман-телепортатор. Здесь же полотно просто уходило под воду, выныривая на том берегу уже в качестве так себе сохранившейся грунтовки.

Даже отсюда хорошо было видно прибрежные заросли камыша, почему-то не пожелавшего расти на моей стороне реки. Мог его полностью вытеснить ильмовый кустарник? Да ни в жизнь, этот живучий сорняк сам кого хочешь выведет.

Чем больше я смотрел на два криво состыкованных ландшафта, тем больше замечал деталей и несоответствий. Будто

две картины с разными пейзажами зачем-то скотчем склеили. Даже почва по берегам реки оказалась разной!

Время, которое я отводил себе на отдых, давно прошло, нужно было вставать и продолжать путь, вот только куда теперь идти? А что, если везде в этом мире так? Вначале придерживаться дороги показалось мне стоящей мыслью, теперь же я не был уверен, что она меня хоть куда-нибудь приведёт.

Одно хорошо, река – это всегда жизнь. А значит – еда. С кряхтением поднявшись на ноги, я начал прикидывать, как смастерить простенькие рыболовные снасти из прихваченных медицинских расходников, и тут расслышал вдали человеческие голоса. Наконец-то!

В лесу никогда не бывает тихо, но способность вычленять посторонние звуки, выдающиеся из общего фона – мой хлеб с маслом. Прикинув направление, я с облегчением снова уселся на ствол и обратился в слух. Звуки постепенно приближались, а значит, люди увидели мою дорогу с высоты и решили спуститься. Зачем? Ну, скоро спрошу.

Минут через двадцать можно уже было разобрать отдельные слова. Голосов оказалось всего двое – мужской и женский. Причём говорил, в основном, молодой парень, всякую ободряющую чушь, его спутница отвечала односложно. Судя по голосу – берегла простуженное горло.

– Смотри – дорога, я же говорил!

Меж стволов придорожных берёз замелькало ярко-синее пятно комбинезона, за ним, чуть позади, кислотно-оранже-

вое. М-да, вряд ли это местные старожилы, которые мне всё разом объяснят. Как бы самому в источник информации не превратиться...

– Здравствуйте, товарищи туристы! – во весь голос поздоровался я, когда в цветных пятнах начали уже вполне угадываться человеческие силуэты.

– Кто здесь?! – вскинулся от неожиданности парень.

Не знаю, как меня можно было не заметить – бежевая куртка Ильи хоть и сильно испачкалась за последние сутки, но всё равно довольно заметно выделялась на фоне тёмного хвойного массива. Для тех, кто умеет смотреть.

– Федеральный государственный инспектор Глеб Измайлов, – по форме представился и, подумав, добавил. – Позывной «Полоз».

– Чего-чего? – недоумевая, в один голос спросила парочка.

– На дорогу выходите, – вздохнув от сильного желания срифмовать вопрос, предложил я. – Не бойтесь, не кусаюсь.

Последняя фраза все же произвела эффект – молодые люди застыли испуганными изваяниями на обочине, даря возможность рассмотреть их повнимательнее.

Парень оказался долговяз, и тоже носил бороду, куда больше, чем у покойного Ильи, поэтому напоминал ухоженного дровосека. К тому же, в забинтованном запястье он сжимал самый настоящий фискаровский топорик. Наверное, уже успел познакомиться с жестокими реалиями этого ми-

ра, хотя вид у него всё равно был несерьёзный. То ли из-за огромной серьги-тоннеля в ухе, то ли из-за своего пёстрого прикида.

Девушка держалась чуть позади. Русоволосая, с приятным чуть вытянутым лицом, совсем небольшого роста. Обута, как и спутник, в лимонные ботинки на толстой подошве, подходящие скорее для прогулок в парке, чем в настоящем лесу.

Таких в нашем обществе обычно именуют «горожане» – один из самых проблемных подвидов туристов, хуже только довольно редкие «мажоры». Чаще всего приходилось таскаться в горы именно по их душу. Подготовки ноль, снаряжение исключительно из какого-нибудь сетевого спортивного магазина, с собой обычно в изобилии таскают электронные гаджеты, уповая на всемогущую силу интернета. Нелогичны, вплоть до анекдотичных ситуаций.

Как правило, таким экземплярам хватает одного-двух раз, чтобы понять – это не их стихия, и на этом успокоиться. Лишь единицы с потом и кровью эволюционируют до «бывалых», особенно, если им повезёт с правильной компанией или они догадаются нанять инструктора. Но это в очень редких случаях.

– Чувак, чёй-то ты не похож на федерального инспектора, – пришёл к выводу парень, осторожно ступив на полотно.

В корень зрит, чертяка. Видок у меня, скорее, как у сбежавшего из психушки пациента. И самое поганое – пытаюсь

что-то объяснить, я сейчас буду полностью соответствовать образу. Надо как-то осторожно подавать им информацию, а то сбегут ещё ненароком, гоняйся за ними потом.

– Потому что я здесь не по служебной надобности, а скорее, по состоянию здоровья...

– Вы знаете, где здесь ближайший посёлок? – перебила меня девушка, закашлявшись.

Интересно, они хоть аптечку с собой догадались захватить? Надеюсь, у неё банальная простуда, а не что-то серьёзное.

– У речки должен быть, рядом с мостом, – поведал я, махнув рукой в сторону Границы.

– И где же он?

Парень проследил взглядом за эволюцией дороги и озадаченно крикнул.

– Как так...

– Без понятия, – развёл я руками. – Но поверь, это не самая большая ваша проблема.

– Нам нужно в посёлок, – упрямо тряхнул головой «горожанин». – Откуда вы пришли? Георгиевка? Кононово?

– Из разбитой «скорой помощи», примерно в тридцати километрах отсюда. По дороге никаких населённых пунктов не было, и вообще, что это за названия такие? Мы такие деревни вроде не проезжали...

Но молодые люди, услышав про «скорую», синхронно сделали стойку и наперебой засыпали меня градом вопросов:

– Почему разбитой, авария?

– Машина на ходу?

– Там были лекарства?

– Успокоительное, или там, обезболивающее, к примеру?

– Стоп-стоп-стоп, давайте не все сразу, – попросил я. –

Что за нездоровый интерес к медицине?

– Нашей подруге очень плохо! – выпалил парень. – Ей срочно нужно в больницу!

– На людей бросается? – наудачу предположил я.

В точку. Парень снова вздрогнул, удивлённо вскинув брови:

– Да! А откуда ты...

«Всё просто! Вы в другом, враждебном мире, под названием Стикс. Что само по себе уже намекает. Здесь каждый вздох может стать последним. Ваша подруга уже стала превращаться в монстра, возможно, и вас скоро ждёт та же участь. Нет, я не псих, ну что вы».

– У неё бешенство, – безапелляционно поставил я «диагноз». – Вы её обездвигили? Она кого-нибудь кусала?

Турист тут же невольно бросил взгляд на своё забинтованное запястье, но спохватился и отрицательно замотал головой.

– Мы её связали, – тихо пояснила простуженная девушка. – Но как она заболела? Её саму ведь точно никто не кусал.

Вот же дитя медийного пространства. Про зомби наверняка целую лекцию прочтёт, а как можно подхватить бешен-

ство в лесу не знает. Для кого я тут стараюсь?

– Это сейчас неважно, – отмахнулся я. – У нас мало времени. Далеко до неё?

– Примерно три часа ходьбы, – ответил парень. – Чувак, мы не можем вернуться с пустыми руками, тут машины часто ходят?

– А ты сам как считаешь? – я кивнул в сторону уходящей под воду дороги.

– Ну да, походу мост смыло...

Деграданс, однако. Мне стоило огромных усилий не застонать от потрясающей сообразительности «горожанина». Однако волею судьбы он оказался куда в лучших условиях, чем я. На моей стороне только частичное понимание ситуации, но что толку от неё, когда внутренности сводит от голода? Вдобавок, мне нужно как можно скорее выяснить, с чем я скоро столкнусь в этом странном мире.

Перерождённые. Буду пока их так называть. До этого мне на глаза попался лишь один экземпляр, который уже успел довольно заметно измениться, но что этому предшествует? С чего начинается процесс? Раз моё излечение напрямую зависит от удачной охоты на них, то неплохо бы узнать как можно больше. А тут как в зоопарке – наблюдай, без риска быть съеденным.

Значит, придётся подыграть ребятам, каким бы идиотизмом это не казалось со стороны. Попутно нужно исподволь приглядывать за ними – вдруг они тоже неиммунные, и в лю-

бой момент решат впиться в меня зубами. Как вообще это понять?

– Лекарства из «скорой» у меня с собой, – я поднял сумку, лежащую за стволом, и перекинул ремень через плечо. – Там всё, что нужно вашей подруге, и даже больше. Мне в качестве благодарности вполне сойдет кое-какая одежда и еда, а потом вместе придумаем, как быть дальше. Договорились?

– Конечно! – обрадовался турист. – Спасибо тебе, чувак! Ты, наверное, голодный? Мы с собой немного прихватили, остальное в лагере. Пойдём!

На первом же километре я с лёгким сердцем вручил ему сумку, и в качестве ответного жеста доброй воли, взамен энергетических батончиков, выдал девушке таблетки от горла. Вроде бы ей даже помогло, хотя скорость нашей группы продолжила зависеть именно от неё. По-хорошему, ей бы сейчас водки с малиновым вареньем, да хорошенько пропотеть под одеялом, но девчонка мужественно держалась, практически не жалуясь на самочувствие. Только вот идти достаточно быстро уже не могла. И какого лешего, спрашивается, она в таком состоянии решила покинуть лагерь? Испугалась подруги?

Так, а они её достаточно крепко связали?

Скальпель, кстати, я предусмотрительно зафиксировал чуть выше запястья при помощи парочки обычных медицинских резинок, но торопящийся парень даже не удосужился проверить, есть ли у непонятого мужика в больничной пи-

жаме при себе оружие. Повезло ему, что я не какой-нибудь маньяк-потрошитель. Что-то мне подсказывает, что люди с таким отношением к собственной безопасности долго здесь не живут.

В пути разговаривать особо было некогда – силы хоть и вернулись после сладостей, но турист неумолимо гнал нас вперёд без привалов. Лишь черепашня скорость девушки спасла меня от позорного отставания.

По пути встретилась ещё одна Граница, на этот раз без каких-то радикальных перемен. Просто после очередного оврага резко сменился породный состав древостоя, другой человек и внимания бы не обратил. Только что мы пробирались по пожелтевшей березовой рощице с небольшой примесью ели, как вдруг оказались в самом настоящем сосновом бору. Такого беспредела я даже в искусственном лесопитомнике не встречал.

Пока природа этого явления была мне не ясна, но это определённно какая-то важная особенность этого мира. Знать бы, что это такое...

Сейчас же пришлось её отнести в список к другим странностям.

Я невольно напрягся, но никаких невидимых барьеров при пересечении оврага не обнаружилось, даже температура воздуха осталась прежней, хотя все мои внутренние ощущения твердили одно – это другой лес! Вот как такое возможно?

Решив, что информация мне сейчас всё же важнее воздуха, я осторожно поинтересовался о вонючем тумане.

Оказалось, да – встречался, только неопытные «горожане» в количестве четырёх человек приняли его за дым от лесного пожара, и в панике ломанулись с насиженного места не разбирая дороги. По всему выходило, что сюда они попали вчера утром, и весь световой день бродили по хребтам в поисках знакомых ориентиров. Устав, решили встать лагерем у небольшого озерца, а ночью одна из девочек ушла в дикий неадекват и была спелената подручными средствами. Сейчас её охранял четвертый попаданец, в темноте неудачно подвернувший ногу.

Дальнейшие расспросы пришлось прекратить, так как извилистая тропа, по которой мы шли к озеру, резко пошла вверх, вилляя меж крупных камней. Судя по её состоянию, этот водопад пользовался большой популярностью у здешних животных. Интересно, а как у перерождённых с балансом жидкости в организме?

За обдумыванием этого вопроса и прошёл остаток пути. Подъём, наконец, закончился, и сквозь тёмные стволы сосен заблестела водная гладь, зажатая меж двух вытянутых сопок. Как у большинства горных озёр, площадь водоёма была не впечатляющая, но места вполне хватало, чтоб спокойно разметить здесь пару сотен туристов, да так, чтоб они не попадались на глаза друг другу. Поэтому нет ничего удивительного, что наш горе-проводник немного заплутал, и нам при-

шлось сделать приличный крюк вдоль каменистого берега. Слава богу, хоть озеро оказалось на месте, а остальное – дело нехитрое.

К временной стоянке вышли примерно через полчаса. «Горожанин» пытался было вырваться вперёд, чтоб разведать дорогу, но каждый раз убавлял скорость – видимо боялся оставлять нас одних. Тем более, девчонке становилось всё хуже, ей срочно требовался покой и горячий бульон со жменькой таблеток вприкуску. Поэтому к ярким двухместным палаткам мы подошли практически рука об руку, поддерживая бедняжку с обеих сторон.

В лагере царила гробовая тишина. Костер, разведённый накануне в щели между камнями, судя по состоянию углей, давно погас. Рядышком обнаружился задремавший турист в ярко-зелёной куртке, заворочавшийся при нашем появлении. Идеальный сторож, что тут скажешь.

– Эй, ну ты нашел время спать! – возмутился наш провожатый, подбежав к сонному другу и принявшись его тормошить. – Чё, как она? Ты проверял?

Тот кое-как поднялся на ноги, и я понял – что-то с ним не так. Не бывает у здорового человека такого землистого цвета лица, да и чёрных зрачков во всё глазное яблоко тоже. Похоже, он явно устал ждать подмоги.

– Назад, придурок! – рывкнул я, вырывая скальпель из резинок.

По полянке разнеслось знакомое низкочастотное урчание,

похожее на сдавленный рык. Так среагировал на людей Крепыш, перед тем как его подстрелили. Причём звук от парня шёл на вдохе, а не как обычно – на выдохе. Такое, скорее, для кошачьих характерно, но никак не для людей.

Откуда-то сбоку кто-то подхватил угрожающее урчание, и на полянке стало совсем уж неуютно.

Правильно истолковав ситуацию, парень дёрнулся было обратно, но переродившийся успел схватить его за грудки, и в следующий миг впился зубами в неприкрытый бородой участок шеи.

От дикого вопля наверняка эхо загуляло по сопкам, брызнула кровь. До них мне было всего несколько метров, которые в былые времена я преодолел бы одним рывком, но сейчас...

Ковыляй потихонечку – вот наш главный девиз.

Страх и боль придали силы туристу, и он смог оторвать от себя упыря как раз в тот момент, когда я с ними поравнялся. Как по мне – сомнительное достижение, потому что рваная рана стала только больше. Перерождённый потерял равновесие и завалился набок, а побледневший парень отскочил назад, зажимая рукой кровоточащую шею. Всё, это уже не боёц, лишь бы жив остался. Его бы топорик мне...

Но времени для смены оружия не оставалось – начинающий монстр довольно резко поднимался на ноги, а там уже и до следующей порванной глотки недалеко. Моей.

– Лучше лежи, падла! – посоветовал я и, схватив рукоять

обеими руками, ткнул скальпелем прямо в тёмный глаз.

Естественно – не попал. Но к счастью, лезвие, пробороздив скулу, всё же съехало в глазницу. На ладони брызнуло горячим, но упыря это нисколько не смутило, с тем же успехом я мог его и ладошкой по щеке потрепать. Раззявив окровавленный рот, он схватился за куртку и потянул меня на себя. Знакомая тактика. Я и до этого на ногах твёрдо не стоял, а так контроль над равновесием потерял окончательно, и мы дружно рухнули на землю.

Одно хорошо – после падения я оказался сверху. Лично мне так привычней, да и гораздо удобней, кто бы что ни говорил. Скальпель так и остался торчать в глазнице, упершись во что-то, пришлось снова браться за рукоять, но уже одной рукой. Второй, согнутой в локте, я прижал шею перерождённого к земле, не давая ему поднять голову и впиться мне в лицо. Из раззявленной пасти бывшего туриста тянуло гнилью, зубы клацали так, что хрустела эмаль, но ничего он в своём невыгодном положении сделать не мог. Лишь негодуяюще урчал и всё крепче сжимал в страстных объятьях, что было мне только на руку. Плевать, как это могло выглядеть со стороны.

Я навалился на рукоять всем своим тщедушным телом и тоже зарычал, понимая, что ещё чуть-чуть, и больше не смогу удерживать голодного упыря. В глазнице, наконец, отчетливо хрустнуло, и рукоять ухнула куда-то в глубины черепа. Крепкий металл попался, спасибо отечественной медицине,

кланяюсь в пояс, не сломалось ничего.

Ну, если и это на него не подействует...

Но перерождённого всё же проняло. Он перестал класать зубами, разжал мертвую хватку и задёргался в мелкой дрожи. Я без сил повалился рядом, хватая прохладный воздух открытым ртом, будто выброшенная на берег рыба после удара браконьерской электроудочкой. Да, убийца монстров из меня хоть куда, одно только плохо – устаю быстро.

Так мы и лежали чуть ли не в обнимку какое-то время, пока упырь наконец не затих. Минус один, с почином, так сказать.

Его напарница в одной из палаток, будто почувствовав, чья взяла, сменила тональность на более низкую, но упрямо продолжала выдавать своё местоположение. Нетипичная особенность для хищника, надо будет взять на вооружение.

Повернув голову, я ещё раз убедился, что противник уже отъехал в Вальгаллу и попытался сесть. Со второй попытки это удалось, и моему взору предстала печальная картина нашего короткого побоища – метрах в десяти лежал «горожанин» с разорванным горлом, так же без признаков жизни, а подле него на коленях устроилась девчонка, тупо уставившаяся в распаханную аптечку. Санитарка из неё получилась так себе – раненый успел истечь кровью до того, как она догадалась её остановить. На войну такую точно бы не взяли.

– Хьюстон, отзовитесь, у вас проблемы? – поинтересовался я, прочистив горло.

Девушка продолжала хранить молчание, переводя взгляд то на разбросанные по траве лекарства, то на собственные руки, по локоть вымазанные в крови. Всё ясно – клиент в шоке. Знал я в бытность мою егерем звероватого вида мужика, которого регулярно принимали товарищи полицейные, просто потому что он, видите ли, «на кого-то похож». Такой вот человек – оживший фоторобот, пугавший до испражнения даже бойцовских собак. Сам же он дико бледнел даже от маленькой капельки крови на порезанном пальце. Я тогда сразу сказал, что брать такого чудака на охоту – странная затея, вроде той, чтобы сходить на медведя с палочкой для селфи. Но шеф меня не послушал, и в итоге с рейда мы принесли лишь одну бесчувственную тушку, которую, к сожалению, никак нельзя было разделать на куски и распихать по рюкзакам. Угадайте – чью.

Оставив потрясённую случившимся девушку в покое, я занялся самым важным на данный момент делом – поиском еды. Это нормального человека от зрелища человеческого трупа потянет разве что прочистить желудок, мне же картина смерти никаких откровений не принесла, разве что впервые пришлось самому случиться её инициатором. Но никаких душевных потрясений я не испытал – тут и без медицинского заключения ясно, что турист перестал являться человеком задолго до своей насильственной кончины. Считаю – зомбака завалил, всамделишного, не киношного, томатным кетчупом облитого. Вот, не приведи бог, придётся убить обычно-

го человека, тогда и буду трагически переживать по этому поводу. Наверное.

Рядом с костром небрежно валялся брошенный рюкзак с широкими лямками. Судя по размеру, он принадлежал одной из барышень и использовался покойным сторожем как поддержка для спины. Внутри, помимо тряпок и прочего барахла типа гигиенических салфеток, нашлись несколько консервных шайб. Рыбка в масле, рыбка в томате и даже одна каша с запахом мяса. Живём!

Салфетки всё жегодились, зря на них бочку катил – руки не мешало продезинфицировать, после тесного контакта с заражённым. Столовых приборов в рюкзачке не оказалось, но отыскался хромированный мультитул с вилкой. Сойдёт.

Следующие несколько минут я был поглощён плотной трапезой, так необходимой выздоравливающему организму. Соглашусь, не совсем логичный поступок для большинства людей – сидеть на остывающем трупe и наворачивать сардинеллу с овощами, причмокивая от удовольствия. Но неведомое лекарство не оставило мне другого выбора, раскрутив метаболизм до рекордных скоростей. Так что я превратился в этакий двигатель, потребляющий калории в промышленных масштабах. Пока есть топливо – работаю, а кончается заправка – начинаю барахлить и глохнуть.

А в этом странном мире это верная смерть.

Консервы улетели на ура, и я впервые с появления здесь

почувствовал себя не огрызком человека, а кем-то, способным без косяков выполнить хотя бы самое простецкое движение. Даже уронил мимо рта не так уж много – определённо иду на поправку. Дрожь в конечностях поутихла, и я расправил плечи. Может, вздремнуть ненароком, когда закончу со связанной любительницей человечинки?

– Проклятый Миша... – вдруг сипло выдохнула девчонка, не меняя позы.

Я поперхнулся водой из пластиковой бутылочки, которой решил запить уничтоженные припасы съестного. Не от неожиданности, хотя и не рассчитывал, что она выйдет из ступора, а от её низкого голоса, показавшегося мне до боли знакомым. Не зря мать хотела меня в музыкальную школу определить, я даже успел посетить несколько занятий, прежде чем связался с нехорошей компанией, где увлечение фортепьяно было, мягко говоря, не в чести. Так что мой музыкальный слух остался не востребованным вплоть до взрослой жизни. И сейчас вот, в который раз, пригодился.

Голос у юной туристки опустился до уровня прокуренной рок-исполнительницы, со своими специфическими низкочастотными нотками, которые я только что слышал. От вот этого самого парня, на котором я сижу. Пожалуй, если она перестанет проговаривать каждое слово, а будет тянуть один и тот же звук на вздохе, будет очень похоже.

– Который из них Миша? – спросил я, осторожно поднимаясь на ноги.

Надо же, только сейчас понял, что в этой суматохе мы как-то не познакомились. Может, оно и к лучшему?

– Миша...? – недоумённо протянула она, заморожено глядя, как с пальцев стекают тягучие капли крови. – А-а... Его здесь нет... Здесь я... Из-за него!

Последнее высказывание было выдано куда более угрожающим тоном, и я замер, боясь спровоцировать перерождающуюся девчонку. Как назло, скальпель прочно застрял в пробитой глазнице, и выниматься категорически отказывался, а другого оружия в обозримом пространстве не наблюдалось. В палатках, что ли, пошарить? А успею?

Тем временем девчонка тяжело закашляла, и её голова стала клониться вниз, как у обычного засыпающего человека. Только вот проснётся вместо неё уже другое существо, как случилось с предыдущими ребятами.

Так, стоп, а это мысль! Первая заражённая отъехала ночью, во сне, а парнишка – когда придремал у костра. Значит, ей ни в коем случае нельзя терять сознание.

– Эй, а как тебя вообще зовут?

Девушка встрепенулась и снова уставилась на испачканные руки:

– Рита...

– Отлично, Ритуля, ты только не спи, – со всей возможной искренностью попросил я, шаря глазами по округе. – Расскажи про Мишу. Как ты из-за него здесь очутилась?

Вокруг хватало камней, но вот подходящего по размеру

видно не было – то здоровые валуны, то мелкая галька. Здесь озеро, а не река, вот там голышей в изобилии, на целое племя питекантропов хватит.

– Миша... Мой парень... – девушка хрипло хмыкнула. – Бывший...

– Отличное начало, – похвалил я её. – Всегда обожал такие проникновенные истории, а особенно, что случилось позже. Но ты не отвлекайся, рассказывай дальше.

Тихонечко вжикнула застёжка на входе пустой палатки, открывая взору спартанское внутреннее убранство – два спальника на подстилке и разбросанную одежду. А где хотя бы рюкзак?

– Миша... Он был домашний... Сидел за компьютером... Не хотел...

Тихий шёпот иссяк, как весенний ручеек жарким летом. Эй, так не пойдет!

– Чего он не хотел, Ритуля? Не спи, сосредоточься.

– Сюда... В горы... Я сказала, а он... Он... Купил мне освежитель... Чёртов освежитель... С запахом...

Так, открывать вторую палатку? Но что, если ребята плохо связали подругу, и при виде свежей еды она сможет освободиться? Тогда станет совсем нехорошо. Тяжело признать, но я не в том состоянии, чтоб справиться сразу с двумя барышнями. Не то, что в бурные времена шальной юности...

Тем более покойный «горожанин» говорил, что они бежали в спешке со своей прошлой стоянки на старушке Земле,

поэтому там может и не оказаться полезных для убийства вещей. Остаётся одно – его топорик на поясе.

– Рита, приём! С запахом чего был освежитель? Я слышал про разных козлов, но твой, похоже, займет первое место в моём циничном списке. Рита?

Но девчонка на оклик не отреагировала, медленно оседая на землю. Плохо дело, обратный отсчёт уже пошёл. Хотел больше информации про перерождённых? Вот она, хоть лопатой её разгребай, того и гляди – засыплет.

Чертыхнувшись, я заковылял к распростёртой парочке. Топорик крепился с помощью двухстороннего металлопластикового карабина, и тоже оказался залит кровью, как и вся одежда парня. Ничего, анатомическая рукоять рельефная и прорезиненная как надо, скользить сильно не должно, лишь бы мне сильно не промахнуться. Я осторожно отстегнул инструмент от пояса, не сводя глаз с притихшей девушки.

Жаль её. Она просто хотела посмотреть мир, вырваться из тесной клетки обыденности, а вместо этого попала чёрт знает куда и превратилась... Точнее, почти превратилась. Подождать что ли? Рубить сгоряча спящую симпатичную барышню как-то не комфортно. Вдруг у неё банальный обморок от потрясения, а я её топором, вместо слов утешения...

Рита резко вздрогнула и стала потихоньку шевелиться. Сначала бессмысленно, будто марионетка в руках неопытного кукловода, но затем понемногу движения стали упорядочиваться. Что ж, кто бы ни захватил контроль над её телом,

он постепенно осваивался с управлением. Побледневшие губы разошлись, обнажив ровненькие зубки, и до моих ушей донеслось решающее доказательство перерождения – тихое урчание. Глаза она ещё не открыла, но уже чувствовала мою близость. Нюхом, что ли?

– Извини, подруга, ты очень даже ничего, но, увы, я предпочитаю брюнеток. И да, твой Миша – дурак, каких поискать. Зашвырнёт его сюда – обязательно организую вашу встречу.

Обхватив топориче обеими руками, я, как заправский Раскольников, широко размахнулся и обрушил широкое лезвие на тонкую шею девушки. Брызнуло красным во все стороны, перерождённая захрипела, задёргалась, пытаюсь уползти, но я рубанул снова, ещё и ещё, пока окончательно не отделил голову от тела. Вид у меня при этом стал как у начинающего забойщика скота в колхозе, который не знает, с какой стороны стоять, чтоб не искупаться в крови.

Перерождённая затихла и я, тяжело вздохнув, захромал обратно к палаткам. Надо было кончать этот затянувшийся кошмар, пока оставались силы. После еды организм воспрял, но голова всё равно казалась залитой свинцом, клонило в сон и немного тошнило. Доходяга есть доходяга, что с него взять.

Самая ранняя перерождённая уже наполовину освободилась. Как я и предполагал, связали её наспех всем, что попало под руку, не догадавшись даже вставить кляп ей в рот. Всё это время тварь потихоньку грызла путы и совсем скоро

грозила остаться на свободе. Я не стал вытаскивать её на свежий воздух, лишь выбросил лежащий внутри большой рюкзак с жёстким станковым каркасом. Всё равно мне вторая палатка ни к чему, тут одну бы унести.

В полутьме я даже не стал пытаться разглядеть рычащую девушку, проделав с ней тоже, что и с Ритой накануне. Из-за тесноты хорошо замахнуться не получалось, да и перерождённая дергалась сильнее, так что времени ушло куда больше и наружу я выполз выжатым как лимон.

Постоял немного, чувствуя мерзкий привкус металла во рту, вдохнул свежего воздуха и решил:

– Надо выпить, а то умаялся я с вами, ребята.

Фляжка по-прежнему лежала в медицинской сумке, вешать её до недавнего времени было некуда. Отвинтив крышку, я сделал судорожный глоток, стуча зубами по горлышку. Жидкость уже привычно обожгла гортань и понеслась дальше.

Через минуту расплавленный свинец, плескавшийся в голове, рассосался сам собой. Я по-хозяйски осмотрел разорённый лагерь, напоминавший декорации типичного американского фильма ужасов про невезучих туристов и тупого маньяка. Да, работы здесь непочатый край, но моё положение, пожалуй, перестало быть бедственным. Уже начал в кои-то веки обзаводится имуществом, прямо не узнаю себя.

Для начала неплохо бы смыть кровь и найти чистую одежду. Пижама, да и куртка Ильи превратились в самый настоя-

щий наряд для Хэллоуина, и вряд ли получится их отстирать в полевых условиях.

Прихватив с собой измазанный топорик и небольшой девичий рюкзак, где мне на глаза попало полотенце и прочие туалетные принадлежности, я начал спускаться вниз, к воде. Вроде бы и недалеко, а идти нужно было очень осторожно, огибая поросшие мхом валуны и внимательно смотря под ноги. Здесь не море – пляжа как такового нет, просто каменное нагромождение без всякого перехода резко уходило под воду. Я выбрал плоский валун, размером с хороший обеденный стол, и присел на корточки, пристроив рюкзачок рядом.

На ощупь вода казалась не сильно прохладной, градусов пятнадцать. Первым делом я тщательно очистил топорик, с которым теперь не расстанусь даже во сне, затем занялся руками и лицом. Прозрачная вода впитала в себя усталость, взбодрила, а сама стала понемногу мутнеть, напоминая мясные помои.

Хорошо, что здесь нет акул. Эти рыбины чувят кровь за два-три километра, а это куда дальше, чем противоположный берег.

Хм, интересно, а на каком расстоянии перерождённые чувствуют добычу?

Эта неожиданная мысль обожгла сознание, будто раскалённым прутом. У меня ж там настоящая кровавая баня на полянке!

Сердце снова истошно забилося в груди, адреналин присунул в кровь, и я почувствовал...

Это ощущение сложно описать, словно свой ночной кошмар вспоминаешь. Просто в какой-то момент я отчётливо ощутил на себе чей-то тяжёлый взгляд. И смотрящее на меня неведомое существо не испытывало ничего, кроме дикого голода. Я себя до этого по-разному ощущал, но вот аппетитным шашлычком – в первый раз. Волосы на руках невольно встали дыбом, засосало под ложечкой, щёки вспыхнули так, будто по ним от души отхлестали ладонью.

Бежать!

Других мыслей в голове в тот момент не возникло. Понимая, что не успеваю вернуться в лагерь, и вообще уже ничего не успеваю, я закинул топор в рюкзак, продел руки сквозь лямки и бросился в воду.

Озеро с радостью приняло меня в прохладные объятия. Затылок настойчиво продолжал буравить чей-то взгляд, и я неуклюже поплыл вперёд к видневшемуся вдали скалистому выступу посреди водоёма. Не остров, а скорее скальное обнажение, оказавшееся выше остальных собратьев-риффов.

Когда был уже на полпути к цели, сквозь плеск воды отчётливо расслышал рычание. Оборачиваться не стал, лишь прибавил скорости, хотя и так, казалось, шёл на пределе возможного. Как не утоп, до сих пор не пойму, но когда окончательно выбился из сил и начал скорее тонуть, чем плыть, неожиданно почувствовал под ногами твердую опору. Даль-

ше дело пошло легче – брёл сначала по шею, потом по грудь в воде, пока наконец не оказался под резким обрывом, за которым шёл уже сухой камень.

Лишь забравшись наверх, по выступам и щелям в скаль-нике, я нашёл в себе силы обернуться. На берегу, совсем рядом с тем местом, где совсем недавно мне пришлось приводить себя в порядок, стояла мощная антропоморфная фигура, которая точно не могла принадлежать человеку. Рядом с ней давешний Крепыш смотрелся бы тощим призывником на фоне матёрого сержанта.

– Выкуси! – прокашлял я, прочищая горло, наглотавшееся воды против воли.

Тварь постояла ещё немного, затем неуловимым движением сместилось вглубь берега, где виднелись яркие пятна палаток. В воду она так и не сунулась.

Но я не стал облегчённо выдыхать. Окажись монстр чемпионом мира по плаванию, это ничего не изменило бы. Мне так и так погибать, ведь заветная фляга со всеми остальными лекарствами осталась в лагере, а без неё я протяну здесь не больше суток.

Что ж, короткая полоса везения закончилась, дальше придётся выживать как обычно.

То есть – без шансов на успех.

Глава 5

Тварь снова я почувствовал уже под утро, когда перебирался через очередную невысокую сопку. Пронзительно заломил затылок, по коже прошла волна мурашек, а в груди резко и противно похолодело, как перед прыжком с высоты. Против воли я обернулся и, естественно, ничего не увидел. Во-первых, стояла предрассветная мгла. Во-вторых, обзор сильно сужали кроны деревьев, а раз преследователя не было слышно, то до него ещё далеко. Пока что.

Или там, в темноте, никого нет, а просто моя крыша постепенно съезжает? Но на берегу безымянного озера симптомы были похожие, и предчувствие в итоге не подвело – промедли я тогда пару минут, и в праздничном меню у здоровяка-мутанта одним пунктом стало бы больше. Получается, это у меня интуиция, что ли обострилась, на фоне непрекращающегося стресса? Третий глаз на пупке открылся? Никогда в такую бодягу не верил, а вот надо же...

Хотя, знающие изнанку жизни люди рассказывали за рюмкой, мол, на будущую жертву загодя лучше не смотреть – может почувствовать твой взгляд и не вовремя обернуться. Никто в тот момент за столом даже не хмыкнул скептически, в том числе и я. Как-то раз у меня приключилось подобное, с одними крайне борзыми браконьерами. Но сам я до этого момента был уверен, что просто неосознанно, на самом

краю слышимости, различил щелчок затвора. Всё-таки проще было на свой исключительный слух ответственность возложить, чем опираться на паронормальщину.

А потом меня, будто в насмешку, зашвырнуло на другой край Вселенной.

С чего я так решил? Для этого достаточно было разок взглянуть на ночное небо. В прошлую ночь как-то не догадался, занятый поиском ночлега, а вот нынче про сон пришлось забыть.

Взглянуть было интересно, но не критично – доказательств, что это не Земля, уже и так выше крыши. Не знаю, кому как, а мне в первые же часы довелось увидеть такое, что наблюдение за небесными телами само отпало за ненадобностью.

Хоть я и основательно подзабыл школьную программу, особых астрономических знаний не понадобилось, чтобы оценить размеры задницы, в которую меня засосало. Какие, к Большому Псу, созвездия?! Тут даже Млечного Пути не было! Редкие небесные светила, которые я поначалу принял за планеты, ехидно подмигивали жалкому человечку, застрывшему на задворках чужой галактики. Спутников типа Луны не наблюдалось, но света от самых крупных звёзд и газовых туманностей вполне хватало, чтоб не расшибить себе лоб об ближайшую сосну. И на том спасибо.

Я брёл по лесу практически всю ночь, организм грозил вот-вот развалиться на части, ноги подкашивались, хотелось

лечь хоть куда-нибудь и притворится дедушкой Лениным. Но самое поганое, что в тот самый момент, когда мне удалось, наконец, подыскать подходящую ложбинку для ночёвки, за мной кто-то увязался. Может, стоило всё же переждать ночь на островке?

Я привалился спиной к шершавому стволу ближайшего дерева, и попробовал выровнять дыхание. Нет, всё правильно, со скалы нужно было немедленно убираться, иначе пришлось бы там торчать до собственного посинения. Гигантская тварь хоть и побоялась сунуться в воду, но спокойно могла меня дожидаться на берегу, а так тела несчастных туристов дали мне, какую-никакую, но фору. Поэтому я воспользовался дрейфующим у камней обломком ствола в качестве плотика, и, держась за него, доплыл до противоположного берега, как заправский кораблекрушениц. С собой получилось прихватить лишь рюкзачок с бесполезными женскими тряпками и единственный ценный подарок от убитых туристов – топорик. Правда, я не задумываясь отдал бы его за флягу с настойкой, только вот обменных пунктов поблизости не наблюдалось. Где же вы, люди, когда так мне нужны?

Положение хуже некуда – прилично оторваться за ночь так и не получилось. Сто к одному, что у меня на хвосте висит настырный гигант, умявший четыре трупа за один присест. Или же это сородич-конкурент, чьи охотничьи угодыя я умудрился пересечь? В принципе – какая разница, сейчас мне и от свежего медлительного перерождённого не отбить-

ся,хвати у такого мозгов на скрадывание добычи. Нечего утешаться надеждой, что противник слаб, лучше его загодя переоценить, избавив себя от неприятных сюрпризов.

Тяжело вздохнув, я заковылял дальше.

Зря не выбросил одежду, как изначально задумывал. Понадеялся, что вода хоть частично смое свежую кровь, но не тут-то было. С другой стороны – далеко ли я по тёмному лесу ушёл бы в костюме Адама в ботинках?

На востоке начало понемногу светлеть, видимость улучшалась с каждой минутой и я, осмотревшись, заметил невдалеке просвет между стволами деревьев. Очередная поляна или...

Дорога! Обычная раздолбанная грунтовка, с промоинами и колдоёбинами через каждый метр, но до чего же родная. Я вывалился из зарослей вереска, росшего вдоль узких обочин, и припал к прохладной земле. Есть след!

Машина проехала здесь давно, по хорошей погоде, всего в одну сторону. Не густо. Отпечаток протектора тяжело было опознать спустя столько времени, но мне отчего-то показалось, что это был именно родной «Уазик». С другой стороны, на чём ещё колесить по таким дорогам?

Вопроса о направлении бегства больше не стояло, тем более, дорога постепенно шла вниз. Тяжело поднявшись на ноги, я захромал в ту же сторону, куда направлялся одинокий автомобиль. Плевать, что отстаю от него на несколько недель, зачем-то же он туда ехал? Вот и посмотрим.

В затылке продолжало настойчиво зудеть, приходилось постоянно сдерживать себя, чтоб лишний раз затравленно не оглянуться. Какого же лешего со мной творится? Одни вопросы, подустал уже от них...

Но пока странное ощущение ещё не набрало достаточную силу, как тогда, на озере, так что немного времени в запасе у меня было. Распорядиться бы им по уму, а то, боюсь, только насмешить зверушку получится. А хочется именно удивить.

Через полчаса ходьбы на глаза начали попадаться первые признаки цивилизации. В основном это был, конечно же, мусор на обочинах. Никогда бы не подумал, что буду так искренне радоваться полиэтиленовым пакетам и сигаретным пачкам с окурками, но вот до чего жизнь-злодейка довела.

Пересиливая тупую боль в ногах, я ускорил ковыляние. Сколько ещё так смогу выдержать – час, два? А потом что, ползком?

От усталости кружилась голова, снова начал донимать проклятый голод. Хвала вовремя подвернувшимся консервам с батончиками, а то лёг бы в районе озера вместе с остальными. И к живительной фляге не зря приложился напоследок...

Хм, а это не от неё меня так вштырило?

Между тем дорога, после очередного плавного поворота, вывела к разбитому асфальтовому полотну. Судя по его состоянию, ремонтных бригад здесь не видели со времён товарища Горбачёва. «Форд» бы здесь точно не проехал бы, даже

верхом на эвакуаторе.

Стоило только ступить на полустёртую разметку, как сразу на горизонте забрезжила надежда. Один конец потрёпанного шоссе терялся в тёмном бору, контур которого подсвечивало восходящее солнце, а вот другой круто забирал вправо через лиственную рощицу и упирался в небольшую деревеньку, дворов на двадцать. Бинго!

Виднеющимся двускатным крышам домов я радовался как старым знакомым, уже не удивляясь тому, чего они забыли на чужой планете. Если сюда без проблем переносит часть дороги прямо с автомобилями, то почему бы туману не телепортирнуть к чертям на рога и капитальные строения? Не вижу никаких препятствий.

Село выглядело так, будто жители узнали, что в соседнем райцентре поймали скрывающегося бывшего председателя, проворовавшегося в лихие девяностые, и всем миром рванули туда. Двери, ворота и калитки – нараспашку, повсюду мусор и ни единой живой души вокруг. Будь на улице снег, можно было предположить, что наступило страшное и беспощадное первое января.

Дома вразнобой торчали по обеим сторонам шоссе, рассевшим посёлок на две половины. Большинство из них были построены в обычном русском стиле, без какой-то экзотики – деревянные стены, на высоком фундаменте, обилие узких двухстворчатых окон, крыши с обязательным резным коньком. Лишь вдалеке, на другом конце населенного пунк-

та, виднелся остов недостроенного кирпичного коттеджа.

Я захромал к ближайшей к околице избе, держа наготове топорик. Судя по внушительному слою пыли на окнах в резных ставнях, исход случился несколько недель назад. Прислушался – вроде тихо, а долго тянуть кота за хвост сейчас не в моём положении. Я выдохнул, поднялся по скрипучей лестнице к входной двери и осторожно заглянул внутрь.

«Всё уже украдено до нас», – пришла на ум сакраментальная фраза. Дома царил кавардак похлеще, чем на улице – все шкафы выпотрошены, пол вперемешку усеян одеждой, посудой и прочим, не приглянувшимся мародёрам, мусором. М-да, тяжело вато здесь будет найти что-то полезное.

Я даже не стал заходить и терять время. Судя по увиденному, здесь жила обычная деревенская чета, старшие дети которых наверняка свалили в какой-нибудь близлежащий городок. Оружие тут если и водилось, то его наверняка уже прибрали к рукам. Нет, мне нужен настоящий нелегал, с таким ещё можно будет поработать.

Где тут логово одинокого волка?

Среди ближайших домов подходящего не нашлось, одни семейные гнёздышки, да крепкие хозяйства, иногда пустые, иногда с останками. От немногочисленных сельских жителей уже остались лишь обглоданные кости, попадающиеся тут и там. Многие оказались с пробитой черепной коробкой – мародёры сильно не церемонились при зачистке деревни. Интересно, они провели выборку иммунных или решили,

что на небесах разберутся за них?

Во время беглого осмотра в одном из сараев я услышал подозрительные звуки, но это оказалась лишь тощая курица, невесть как выжившая посреди разорённых дворов. Ловить её пока не стал, но для себя сделал зарубку в памяти. Остальные же домашние животные были съедены или вовсе отсутствовали.

Интересно, а собаки со свиньями тоже перерождаются?

Изредка попадались автомобили. В основном – наша отечественная классика, с напрочь севшими аккумуляторами и высушенными топливными баками. Какие же здесь основательные мародёры – ничего не упустили.

Нужный дом нашёлся ближе к противоположному концу деревни, когда я всерьёз уже подумывал баррикадироваться в одном из срубов покрепче для последнего и решительного боя.

Вроде то, что надо. Основательно заросший приусадебный участок, пустые обветшавшие сараи, даже сама изба выглядела запущенной – облупившаяся краска свисала неровной бахромой, а дерево от времени серьёзно потемнело. Ворота оказались нараспашку, автомобиля внутри двора нет. А судя по глубокой незарастаемой колее, раньше он там точно был. Итак, внимание, главный вопрос – хозяин обычный алкоголик или с тягой к охоте?

С замиранием сердца зашёл в дом и уже в сенях по разбросанной одежде понял – есть попадание! Камуфляж на лю-

бую часть тела в ассортименте, высокие ботинки вперемешку с резиновыми сапогами, даже армейская плащ-палатка нашлась. Ещё накануне ночью в обморок от счастья хлопнулся бы от такого богатства, сейчас же затопал по бесценной амуниции дальше, не обращая на неё никакого внимания. Ощущение постороннего взгляда усиливалось с каждой минутой, так что в экипировке потребность временно отпала.

Нужно прежде всего оружие – хоть что-нибудь, плюющиеся пулями.

Уже не скрываясь, влетел в жилую часть, разделённую перегородкой на две неравные части. В той, что поменьше, располагалась кухонька и, как ни странно, мастерская. Естественно, все ящики оказались нараспашку, только холодильник не тронули. Значит, еда у них в избытке, раз уж все крупы и прочую галантерею оставили здесь на расправу грызунам. Инструменты тоже мародёров не прельстили, а вот оружейный сейф, стоявший в спальной части, они вскрыли со всей тщательностью. Внутри кроме пыли ничего не обнаружилось, да я на это и не рассчитывал. Топчан, где отдыхал хозяин, тоже оказался выпотрошенным, что заставило меня против воли улыбнуться. Ну кто так нелегал ищет, дилетанты?

Бегло осмотревшись, я вернулся на кухню. Не зря же здесь инструменты хранились – мужик прямо тут и работал, за узким обеденным столом, застеленным потёртой клеёнкой. Почему бы и нет, особенно лютой русской зимой, хотя уве-

рен – в своём обшитом металлопрофилем гараже он тоже немало времени проводил. Среди прочего нашлись здесь и скребки с разнокалиберными ножами – от крохотных скальпелей до широких скорняжних резачков, с наборными рукоятками. Получается, он и выделкой шкур занимался? Любопытно.

Я взял в руки небольшой молоточек, расчистил широкий участок пола напротив колченогого табурета и принялся тщательно простукивать доски. Удобство – вот к чему стремится каждый русский мужик, всё должно быть под рукой, ибо лишнее движение – грех. Оно сбивает концентрацию и заставляет отвлекаться от творческого процесса. Мы не ленивая нация, мы – эргономичные.

В подтверждение этому очередная половая доска на постукивание отозвалась куда звонче, чем её предшественницы. Ну вот, не потерял я ещё хватку, могу, когда сильно припечёт.

Поддеть крышку тайника оказалось делом нескольких секунд, благо инструмента под рукой просто завались. Правда, лак пострадал и на деревяшке остался скол – ну так я и не хозяин, это он наверняка наловчился делать это аккуратно и незаметно. Задержав дыхание, отбросил в сторону доски и... Разочарованно выдохнул.

Пусто. А судя по размерам, здесь покоился хороший карабин. Вот и обрывки разорванной пачки патронов...

– Семь шестьдесят два. Мой любимый калибр, – грустным

голосом ослика Иа констатировал я. – Так, а это что такое?!

Схрон под полом оказался двухсекционным. Во второй части обнаружили не понадобившиеся хозяину силки, крупная пачка денег в полиэтиленовом пакетике и странный тяжеленный свёрток из мешковины, обмотанный простой бечёвкой.

Я не без труда достал его и положил перед собой. Внутри отчетливо металлически брякнуло, несмотря на несколько слоёв ткани. Да неужели?! Сердце радостно забухало в груди, я непослушными от вечной трясучки руками принялся развязывать верёвку, будто малыш, нашедший на утро своего дня рождения коробку с подарком возле своей кровати.

Через несколько томительных секунд моему взору предстал огромный самодельный капкан, с самыми что ни на есть браконьерскими зубьями. Судя по размеру тарелки, предназначался он исключительно на товарища Топтыгина. Я уважительно цокнул языком, проведя пальцем по стальной пружине, выполненной, скорее всего, из сердечника высоковольтного провода ЛЭП. Нет, такие и перерождённый Крепыш голыми руками не взведёт, тут без подходящего инструмента делать нечего. К счастью, среди царящего здесь бардака мне на глаза как раз попадалась струбцина.

Самолов внушал уважение, хотя раньше за такое непотребство я любого морально изнасиловал бы. Терпеть их не могу, насмотрелся в своё время на замученных насмерть зверей, врагу такого не пожелаешь. Даже парочку горе-охотни-

ков, напоровшихся на собственные ловушки, тоже приходилось оттуда доставать, одного так и вовсе холодного – такая вот кармическая справедливость. Правда, классического капкана сейчас редко у кого встретишь, ещё с Сибири нынче пошло модное веяние куда более простых в изготовлении самоловов – «варежки» и «баяна». Состоят они из обыкновенной широкой трубы, в которой установлены подпружиненные зубья. Мишка лезет внутрь лапой за приманкой, да так и остаётся в захвате. Ежели труба с одной стороны заварена – это пресловутая «варежка», а если нет, и зубья располагаются по обоим концам, тогда перед вами «баян». И после такого ещё умудряются спрашивать, почему я ненавижу людей.

Теперь оставалось одно – выбрать подходящее место и можно ждать преследователя.

На все приготовления ушло около тридцати минут. Едва успел занять позицию, как ощущение чужого присутствия стало нестерпимым, затылок начало просто припекать. Неплохой у меня оказался пеленг, прям диву даюсь.

– Это что за покемон...? – пробормотал я тихо, разглядывая преследователя через монокуляр.

Монстр мелькнул за околлицей и резко ушёл во дворы, предпочтя не высовываться на открытую проезжую часть. Устроившись на втором этаже кирпичного особняка, который наверняка строил себе местный авторитет, я успел отметить, что чудовище явно уступало размерами своему собрату с озера. Да и двигалось оно на четырёх, вполне себе

развитых, конечностях, никакого намёка на антропоморфию. Вот, пожалуй, и ответ – перерождаются ли плотоядные звери. Теперь очередь за бурёнками.

Ощущение перестало набирать обороты, но стоило прикрыть глаза и сосредоточиться, как мне казалось, что я могу даже засечь примерное направление, откуда нужно ждать незваного гостя. Чёрт, хоть в «Битву экстрасенсов» теперь записывайся.

Криво усмехнувшись, я заковылял вниз, к приготовленному сюрпризу. Не знаю, был ли такой странный проект у дома изначально, или просто заказчику нравились зарубежные фильмы про райскую жизнь состоятельных гангстеров, но на заднем дворе располагался внушительный бассейн. К нему, по всем канонам тропических стран, из незастеклённой открытой веранды спускались вымощенные светлым мрамором ступени. Смотрелось это великолепиие на фоне соседних деревянных изб так же инородно, как покрашенная тощая модель посреди крепких русских доярок.

Саму ёмкость полностью облицевать до переноса на чужую планету не успели, работа была брошена на полпути – судя по всему, хозяин велел расширить сооружение. Соревнования по плаванию хотел там устраивать или же рыбок решил разводить? Непонятно.

Ближе к противоположной, более глубокой, части бассейна, попадалась ещё несрезанная арматура, оставшаяся после дополнительной заливки бетона. Там и покоилось окровав-

ленное тело.

Я устроился рядышком, среди ящиков с тяжёлой мраморной плиткой. Сначала хотел залечь подальше и не отвечивать, но в голову тут же полезли всякие мысли. А что, если тварь влечёт ко мне не только запах? Вдруг она тоже как-то чувствует меня и наведётся не на приманку, а на засидку?

Пришлось рисковать и добровольно лезть в монстроловку. Пойдёт что не так, тут и останусь.

Я укутался в плащ-палатку и постарался дышать как можно реже, больше ничего умного в голову не пришло. Потекли томительные минуты ожидания. Хищник явно не спешил, разведывал обстановку, перед тем, как приступить к трапезе. Матёрый, зараза.

Наконец, я услышал цокот когтей по мраморной плитке. Что характерно, тварь не урчала, почуяв вожавленную добычу, а молча накинута на лежащее в луже крови тело, преодолев расстояние от веранды до бассейна одним могучим прыжком. Да уж, хрен бы я от такой зверушки в запертом доме отсиделся.

Отчётливо клацнул металлический сторожок, и капкан с влажным хрустом захлопнулся. Пойманный хищник отреагировал сдержанно, лишь тихонько зашипел. Похвальный болевой порог, я-то думал, что будет реветь до дребезжания стёкол в ближайших домах. Звякнули стальные цепи, но попытка освободиться успехом не увенчалась – самоллов был надёжно прикован к арматуре, которая в свою очередь,

уходила в бетон. В этом деле лучше перестараться, а то я в своё время наслушался историй, как взрослый мишка выворачивал молодые деревья, к которым привязывали капкан, и шёл в плохом настроении искать своих обидчиков, волоча за собой ствол. Можно было, конечно, попробовать разорвать цепь, но местный браконьер постарался на совесть – таким стальным чудовищем и катер не стыдно заякорить.

Я осторожно выглянул из-за ящика, но опасения были напрасны – голодный монстр влетел в ловушку передними лапами, которыми он собирался схватить огородное пугало, которое я облачил в свои больничные шмотки. Увидев меня, перерождённая тварь, бывшая, судя по всему, в прошлой жизни кем-то из собачьих, отреагировала куда эмоциональнее – низкочастотно заурчала и угрожающе клацнула клыками в полуметре от моего лица. Ближе подобраться ей не позволила короткая цепь.

Всё возвращается на круги своя.

Размером она оказалась с годовалого телёнка, вытянутое тело, лишённое волосяного покрова, просто бугрилось от мышц, а зубастой челюсти позавидовал бы любой взрослый аллигатор. Загнутые когти на лапах оставляли царапины на бетоне, но с бездушным металлом ничего поделаться не могли, хотя поначалу мутант пытался даже грызть капкан, но с тем же успехом можно пососать шарик от подшипника вместо конфеты. В его положении оставалось вести себя, как обычное привидение в старинном замке – греметь цепью и тоск-

ливо подвывать.

– Не понимаю суть твоего недовольства, Шарик, – я поднялся на ноги и, прижавшись к боковой стене, стал боком смещаться к выходу из бассейна. – Курицу мы по-братски разделили, я себе одну несчастную култышку оставил.

Силки, найденные в тайнике, тожегодились – не в жизнь бы не поймал резвую птицу голыми руками. Кто смеялся над подобным эпизодом тренировки Рокки в одноимённом фильме, тот просто не жил в деревне и не знает, какой долгий путь проходит магазинное мясо, прежде чем попасть к тебе на обеденный стол. Голодную курицу, прельстившуюся пшеничной крупой из запасов браконьера, пришлось принести в жертву ради порции свежей крови, но тут уж либо она, либо я. Законы выживания всегда отличаются простотой и жестокостью.

К счастью, манёвренность перерождённого из-за фиксации передних конечностей существенно упала, и я смог без потерь добраться до мраморных ступеней. На случай же, если путь к отступлению будет перекрыт, вниз был сброшен конец найденной на стройке верёвки, которую я привязал к массивной бетономешалке. Не уверен, что в таком состоянии мне удалось бы совершить акробатический номер, но как говорил один мой старый знакомый – «пути отступления наше всё».

Тварь, наконец, оставила в покое массивный капкан, и принялась яростно рвать чучело, добираясь до спрятанных

под одеждой останков курицы.

– Приятного аппетита, Шарик, – пожелал я, выбравшись наверх. – Смотри не подавись.

В ответ раздалось приглушённое урчание и хруст раздробливаемых лёгких костей. Сомневаюсь, что эта небольшая порция белка ему существенно поможет, но и оставлять его в таком состоянии тоже не по охотничьему кодексу. Поэтому, несмотря на то, что от усталости уже практически спал на ходу, я сделал над собой очередное усилие и пошёл к соседям разматывать резиновые шланги.

Естественно, никакого электричества в деревне не наблюдалось, водопровод тоже переноса на другую планету не пережил, и вода из обычных кранов литься отказывалась. Но наш народ не зря считается сметливым – большинство жителей приноровились использовать протекающий рядышком ручеёк для полива и прочих разных технических нужд, дабы не нагружать счётчики. Остальное было делом техники, только прежде чем сращивать шланги, я набрал воду в небольшую кастрюльку, где хранилась оставшаяся куриная ножка.

К происхождению жидкости я отнёсся спокойно – ручей, так ручей. Кипячение, кстати, убивает большинство микробов, даже от излишков радиации помогает, и вообще – не в моём положении отравления бояться. Так почему бы не сварить супчик?

Шлангов аккурат хватило до недостроенного бассейна, на

дне которого возился пойманный перерожденный. Я убедился, что вода поступает без перебоев, а сливное отверстие надёжно закупорено, и кивнул злобно уставившемуся на меня хищнику:

– Не скучай!

В качестве временного пристанища мне приглянулся один из соседних домов, с крепкой, обитой железом дверью и небольшими окнами, закрывающимися толстыми ставнями на внушительный засов. Пока я возился с оросительной системой, кастрюлька на керосиновом примусе успела закипеть, и по избе пошёл приятный аромат.

Пошурудив в разорённой кухоньке, я разжился упаковкой отечественных макарон и пачкой универсальной приправы. Где-то здесь по-любому должен быть погреб, со всякими разносолами да закрутками, но искать туда вход совершенно не было сил.

Дождавшись, пока мясо окончательно приготовится, я высыпал в кастрюльку макароны, и машинально зашарил взглядом по стенам, в поисках часов, чтобы засечь положенное на их варку время. Увы, но циферблат замер на грустной для любого мужчины отметке – половина шестого, а вот рядышком обнаружился отрывной бумажный календарик на гвоздике, утверждающий довольно странную дату.

Двадцать шестое сентября две тысячи восемнадцатого, от рождества Христова. Практически год спустя, как меня сюда затащило.

– Интересно девки пляшут... – пробормотал я, беря в руки календарь.

Ничего необычного в нём не было – листы самые обыкновенные, с христианскими именинами и прочей православщиной. Может, здесь просто люди с большим приветом жили? Спohватившись, я поднял с пола пачку макарон и всмотрелся в дату их изготовления – июнь того же восемнадцатого, срок хранения – один год.

– Свежие, твою мать, – пришлось констатировать мне, бросив упаковку обратно.

Похоже, местному механизму межпространственной телепортации глубоко положить на временной континуум, выражаясь строгим научным языком.

Решив, что загадки мироздания лучше решать на свежую голову, я выключил примус и приступил к трапезе. Меня никогда не смущал крутой кипяток, остывший чай вообще за напиток не считаю, так что долго ждать не стал и сразу заработал ложкой.

Организм простецкую еду принял благосклонно, но высказал настоятельную просьбу не несколько часов отключиться. Я не стал с ним спорить, лишь убедился, что надёжно всё запер, и завалился в незастеленную хозяйскую кровать на железных ножках.

Заснул, наверное, ещё до того, как голова коснулась подушки. Часы в царстве Морфея пронесли незаметно, но даже сквозь дрему я отчётливо ощущал, как тянут нагружен-

ные мышцы. Проснулся чуть отдохнувшим, но всё равно каким-то заторможенным, как обычно и бывает с людьми, отсыпавшимися днём. Поставил на огонь остатки супа в кастрюле и заковылял к соседскому коттеджу, проверить, не отрастил ли жабры перерождённый, превратив бассейн в обитаемый аквариум.

Оказалось, нет – дрейфует мирно под водой, вроде не шевелится. Я потыкал в него длинной рейкой, валявшейся неподалёку, и сделал заключение, что клиент скорее мёртв, чем жив.

Чтоб вынуть затычку пришлось немного понырять, но холодная вода только взбодрила. Дренаж строители сделали на совесть, хоть я и подозреваю, что слив они вывели в тот же злополучный ручей, из которого был сварен суп. Пока бассейн вновь мелел, мне удалось наскоро перекусить и немного привести себя в порядок.

При взгляде в зеркало на собственное отражение никаких приличных слов не нашлось.

Заросший бомж. Надо это как-то исправлять.

Со времён последней химиотерапии прошло уже немало времени и волосы на голове успели прилично отрасти. Их я кое-как постриг, хоть и неровно. Получилось, как у героев японских аниме – клочок сюда, клочок туда.

Было у меня пара знакомых, у которых этот фокус ещё с армейских времён выходил на отлично, я же всегда предпочитал отдаваться в опытные руки парикмахера. К тому же,

первая и третья жена неплохо стригли сами, чем немного сэкономили наш семейный бюджет.

Эх, машинку бы...

Благо бритва подходящая нашлась, и я с облегчением избавился от надоедливой щетины, грозившей превратиться в густую бородку. Нет уж, нынешняя мода не по мне. Я даже в самых долгих осенних рейдах старался поддерживать кожу лица в чистоте, и сейчас не собирался изменять привычкам.

Но даже после всех процедур отражение мало напоминало меня прежнего. Кожа под глазами потемнела, перебитый нос заострился, щёки впали. Человек-сухофрукт получился, мать родная не узнает. Единственно – глаза остались теми же янтарно-зелёными, как у некоторых бесстыжих котов. Девушкам нравилось, хотя многие упорно считали, что это у меня линзы такие.

Закончив с гигиеной, я переоделся в заранее найденную чистую «горку», оставив от прошлого облачения только хорошо себя зарекомендовавшие ботинки. В деревне нарядную одежду трудно найти, а вот камуфляжа и джинсов – в ассортименте. Хоть и опостылела мне до невозможности форма за годы службы, но выпендриваться в гражданке на пересечённой местности я не стал. Нечего отсвечивать, люди разные на свете бывают, а тут, скорее всего, в большинстве мест анархия царит. В лучшем случае.

Тем временем вода из бассейна успела уйти и я, прихватив хороший охотничий нож, направился за трофеями.

Перерождённый тихонько лежал на мокром полу, не подавая признаков жизни. Я осторожно зашёл со спины, тщательно выбирая место, на которое собирался опускать ногу. С моей нарушенной координацией и трясучкой смотрелось это наверняка смешно, но мне только грохнуться перед тварью на скользкой плитке не хватало.

Вспомнив вскрытого Крепыша, я нащупал такой же нарост на затылке уопленника и сделал первый надрез. Сначала пошло туго, но потом кожистая оболочка новообразования с хрустом поддалась, и лезвие провалилось в вязкую пустоту. Раздвинув края разреза, я проник внутрь и нащупал всё те же спутанные нити, похожие на подсохший грибной мицелий. Ломтя они тогда не заинтересовали, а, значит, и мне не пригодятся. Продолжив поиски, я кончиками пальцев нащупал нечто гладкое и округлое. А вот этого в Крепыше точно не было!

Предмет на поверку оказался небольшим твёрдым продолговатым шариком серо-зелёного цвета. На виноградину похож, хоть и твёрдый на ощупь. Я задумчиво покатал его в ладони и вдруг неожиданно почувствовал странное желание попробовать его на вкус. И это несмотря на то, что я только что вытащил эту штуку из распотрошённого монстра, похожего на ожившие галлюцинации тяжёлого наркомана. Да что ж со мной такое?

Определив находку в нагрудный карман, что стоило мне существенного волевого усилия, я снова зашарил в кожи-

стом наросте и почти сразу наткнулся на ещё один шарик. Рассматривать его уже не стал, положил к собрату, но больше ничего интересного в нитях не оказалась.

Итак, нашёл ли я то, что мне было нужно? Судя по странной реакции организма – вроде да. Ведь у меня даже к обезболивающим такой тяги не было, а тут вообще не пойми что, которое я, вдобавок, ни разу не пробовал. Даже если лекарство настаивают исключительно на этих виноградинках, всё равно непонятно, почему тело так сильно реагирует на ингредиент. Хотя в этом спятившим мире может быть что угодно, уже устал удивляться. Здесь вообще понятия «норма» практически не существует, нужно срочно учиться мыслить нестандартно.

Шарики я нашёл за несколько минут, а вот с алкоголем неожиданно вышла заминка. В обысканных мной погребах оказался лишь деревенский самогон разной степени замутнённости. Но вот подойдёт ли он? Поразмыслив, я не стал рисковать, отходя от канона. В лекарственной настойке отчётливо ощущалась именно водка, уж мои натренированные вкусовые рецепторы довольно сложно провести.

Наконец, заветная бутылка была найдена, в одном из размороженных холодильников, превратившихся за время простоя в химическое оружие немедленного действия. Продукты в нём устали ждать своего часа и отдались бактериям, а грибковая плесень, кажется, грозила основать свою собственную цивилизацию. Матерясь сквозь кашель, я выска-

чил из заражённого дома с бутылкой под мышкой, от которой смердело на несколько метров. Тару потом пришлось долго драить песком, щедро поливая его водой, но мерзкий запах прочно въелся в стекло и так до конца не был побеждён.

– А теперь, детишки, у нас время экспериментов! – заявил я, занося бутылку в избу, где накануне ночевал.

На вкус, крепость настойки составляла градусов двадцать пять, не больше. Вопрос в том, как именно растворять ингредиент, если это действительно он? По-идее, хвати одной чистой водки, разводить раствор особого смысла не было – знай себе, прихлебывай понемногу концентрат из фляжки и радуйся здоровой жизни. Раз так не делали – нужно снижать крепость.

Поставив на стол литровую банку, я вылил туда содержимое бутылки, затем понемногу стал добавлять воды, сверяясь с общим уровнем жидкости. Тут даже спиртометр не нужен.

Виноградинку я на всякий случай тщательно протёр, снова испытал невольное желание положить её за щёку, и решительно булькнул её в жидкость.

Есть реакция! Непонятная субстанция зашипела и пустила пузыри, как импортная таблетка ацетилсалициловой кислоты. Уперев подбородок в ладони, я пару минут заморожено наблюдал за процессом, после чего на время оставил банку в покое.

Чтобы как-то занять себя и дать раствору настояться, я принялся понемногу собираться в дорогу. В одном из домов нашёлся приличный рюкзак, в который при должном мастерстве можно было поместить кучу полезного барахла, так необходимого путешественнику на чужой планете или в ином измерении.

Прежде всего – съестные припасы, предпочтение здесь нужно отдавать калорийным продуктам, которые мало весят. Крупы, макаронные изделия и всё то, что для приготовления требует лишь банальной воды. Многие начинающие туристы совершают ошибку, грузясь исключительно тяжеленными консервами, а потом выбрасывают их по пути, в тщетной попытке хоть как-то разгрузится. Ребята, работавшие по популярным маршрутам, в магазины заходили исключительно за хлебом, а до меня, наконец, дошёл глубинный смысл фразы: «В лесном хозяйстве денег не заработаешь, но и с голоду никогда не умрёшь».

Ещё в рюкзак поместилось несколько смен одежды на все случаи жизни, и всякая полезная мелочёвка, типа марли, верёвки, зажигалок, скотча, предметов гигиены и прочего. Котелок ещё неплохой нашёлся – знаменитая армейская «матрёшка», образца восемьдесят девятого года. Отдельным пунктом шла аптечка, в которой особое внимание я уделил перевязочным пакетам и средствам для обработки ран, а вот презервативы, универсальность которых нахваляют эксперты на многих туристических форумах, не стал

даже искать. Не знаю как кому, а лично мне они нужны были только в тех случаях, когда брал с собой в горы грелку во весь рост.

С остальными лекарствами я решил пока повременить и похромал к обеденному столу, на котором доходила до готовности якобы панацея от всех болезней.

Шарик полностью растворился, оставив после себя на дне отчётливые хлопья осадка. Сам напиток чуть помутнел, но полностью прозрачность не потерял. Отлично. Я осторожно взял в подрагивающие руки банку и стал понемногу переливать жидкость во фляжку от «матрёшки», попутно процеживая её через марлю, свёрнутую в несколько слоёв. Помнится, никаких посторонних фракций в настойке не наблюдалось, значит, осадок однозначно идёт в отходы.

Наконец, все приготовления были завершены. Я отсалютовал фляжкой куда-то в сторону небес, укрытых от меня низким потолком, и шутливо произнёс:

– Господи, прими за лекарство!

Где-то технология производства была всё же нарушена – вкус получился похуже, чем у Декана, вызвав короткий непроизвольный спазм. Может, плохо процедил?

Но эффект почувствовал моментально – перестали ныть воюющие хором и на голоса мышцы, тело налилось энергией, а тяжесть в голове рассосалась, словно утренний туман. Сработало!

Я невольно похлопал себя по груди, где лежал второй ша-

рик, в ожидании своего часа. Вот так из полугололого беглеца без шансов на спасение становишься обеспеченным человеком. Раздобыть бы огнестрел, и вообще можно ходить, не оглядываясь.

Остаться в деревне больше не было смысла, еды тут, конечно, мне на год хватит, но судя по тому, что сюда навывались лишь одиножды, о контактах с выжившими тогда можно будет забыть. А у меня стойкое ощущение, что я не въехал и в десятую часть того безумия, которое здесь творится. Случись что – и знать не буду, как реагировать.

Жаль, с колёсным транспортом беда – автомобили да мотоциклы годились для езды исключительно с горки, а на велосипеде я неожиданно не смог проехать и пары метров, навернувшись на ровном месте. Благо приняла на себя удар моего тела Мать – Сыра Земля, а не батюшка-асфальт. Проклятая вестибулярка так и не успела окончательно восстановиться – держать равновесие не получалось, хоть ты тресни.

Я уже было смирился, что продолжу своё путешествие снова пешком, как неожиданно наткнулся в одном из гаражей вполне современный взрослый трайк, с двумя вместительными корзинами для перевозки маленьких детей или другого какого багажа. Сел, сделал пробный круг по двору – вроде нормально, хоть и пошатывало меня в кресле, но пара задних колёс прибавила устойчивости, и вся конструкция не переворачивалась при малейшем крене. Всяко лучше, чем на своих двоих.

Сборы заняли куда больше времени, чем рассчитывал – дополнительное место в багажнике следовало заполнить чем-нибудь полезным, а потом это всё тщательно закрепить, чтобы не вывалилось по дороге. Так незаметно подкрался вечер, и я решил не выезжать на ночь глядя, а отдохнуть в тепле и комфорте.

Деревню «Сосновка» я покинул ранним утром, обнаружив, наконец, первый указатель в этом мире – он сиротливо стоял у дороги за пределами населённого пункта. Компас, найденный в домике у браконьера, однозначно определиться со сторонами света не мог, поэтому снова пришлось ориентироваться по местному светилу. Направление тоже менять не стал – восток так восток.

Потянулись однообразные километры, таявшие за спиной. Менялся лишь ландшафт – иногда постепенно, но чаще всего строго по одной линии. Дорога тоже претерпевала изменения, то становясь полноправным шоссе, то превращаясь в узкую просёлочную грунтовку.

По пути иногда попадались брошенные машины, чаще всего – в плачевном состоянии, а несколько вообще напоминали измятые консервные банки, по которым долго и упорно били ломом. Если несколько автомобилей без крыш и с оторванными дверьми ещё можно было списать на проделки матёрых перерождённых, то остальные носили отпечаток вполне конкретных повреждений.

Притормозив у очередного сгоревшего остова, я с уваже-

нием осмотрел сквозные отверстия в кузове. Здесь явно работал крупный калибр, хотя какой смысл обстреливать из него легковушку, которая спасует перед любым обычным винтовочным патроном?

По правде сказать, обычных дырок от пуль в машинах тоже хватало, особенно впечатлил рейсовый междугородний автобус, напоминающий дуршлаг, на котором зачем-то решили пожарить барбекю. Дружелюбный здесь народ живёт, однако.

Участившиеся находки заставили всерьёз задуматься, а не покинуть ли мне дорогу от греха? Да, удобно, но как-то не хочется сдохнуть от шальной пули, проделав такой путь. Судя по всему, местные явно не церемонились отбором иммунных, расстреливая всё подряд, что двигалось по дороге. Практически во всех машинах обнаружались их почившие водители и пассажиры, в разной степени сохранности. А стоило мне выехать на приличную широкую трассу, как автомобили начали попадаться уже за обочиной – их явно стлкивали, расчищая полотно.

Явный признак близости цивилизации, но вот надо ли мне туда?

Через несколько километров, проведённых в тяжёлых раздумьях, я увидел технику и посерьёзнее – подбитый трёхосный бронетранспортёр. Модель из-за сильных повреждений опознать так и не смог, мне до специалиста далеко. Боевая машина выглядела под стать остальным клиентам пунк-

та приёма металлолома – борт пробит прямым попаданием, внутри всё спеклось в однородную массу, даже асфальт на месте нападения застыл чёрными подтёками. Единственное отличие – размашистая надпись на корпусе, сделанная белой краской из баллончика:

«STRONG».

– И не поспоришь. Серьёзно, – согласился я, разглядывая остатки бронетехники. – Весело вы тут время проводите, с огоньком.

Итак, здесь ведутся боевые действия. Кто с кем воюет – непонятно, иностранный язык на граффити только добавлял вопросов. Опять же, сама машина непонятная, среди наших «бэтээров» таких точно не припомню. Хм, а кто сказал, что она должна быть именно отечественного производства? Навивно полагать, что туман забирает исключительно россиян, Земля ведь большая, государств на ней – под двести штук. Вдруг я к иностранцам каким заехал?

От размышлений отвлёк до боли знакомый звук ревущих тяжёлых моторов, донесшийся со стороны дороги. Точно не легковушки – они шумят скромнее. Схватив монокуляр, я выглянул из-за закопченного борта и увидел вдалеке военную колонну,двигающуюся с приличной скоростью мне навстречу. Впереди уверенно катила пара броневииков на колёсах, укрытых низкой «юбкой» – родные братья подбитого. За ними шли четыре приземистых грузовика, а замыкал процессию странный тяжёлый агрегат, ошетилившийся орудий-

ными стволами, который я, недолго думая, определил к зенитным самоходкам. Вся техника была выкрашена в болотно-зелёный камуфляж, какие-либо знаки отличия на бортах отсутствовали.

Хотел контакта с местными – вот, получите и распишитесь.

Выходить на дорогу, маша руками, и крича «Спасите-помогите!», категорически не хотелось. Не внушали мне эти машины доверия и всё тут, пускай себе едут по своим делам.

Благо, металлический отбойник в этом месте оказался вырванным с корнем. Я быстренько спустил трайк с откоса и спрятал его в густом придорожном кустарнике. Сам пополз дальше, на случай, если там кто будет сканировать обочины из тепловизора в поисках притаившихся перерождённых или новых диверсантов с гранатомётами.

Убраться на приличное расстояние не хватило времени, слишком уж неожиданно выскочила колонна. Чертыхаясь, я устроился в высоких зарослях дикого сорго – того самого, из которого вяжут веники, стоящие практически в каждом доме России.

У подбитого броневика армейские машины резко сбросили скорость, а потом и вовсе остановились. Да ладно вам, ребята, он ведь тут уже давно стоит, чего вы там не видели? Надпись не понравилась?

Из грузовиков рассыпанным горохом выкатилось десятка три бойцов в тёмном камуфляже, упакованных так, что

хоть сейчас отправляй их для заморозки любой горячей точки. Вместо шлемов у них были настоящие полусферы, как у космонавтов в фантастических фильмах. Военные тактично рассредоточились на местности, но к подбитой боевой единице никто так и не приблизился. Вместо этого броневики синхронно развернули дула орудий в мою сторону, и под их прикрытием часть пехоты понемногу пошла вперёд, к моим зарослям сорго.

Похоже, всё-таки придётся нам познакомиться.

Глава 6

Первое что я увидел, когда снова очнулся – грязные армейские ботинки сантиметрах в двадцати от моего лица. Хорошая, кстати, обувь – крепкая подошва, армированный носок, плюс высокая шнуровка, берегущая голеностоп. Жаль только, что она принадлежала конченому садисту.

В шее продолжал пульсировать сгусток боли в том самом месте, куда в очередной раз воткнулась игла инъектора. С гостями эти товарищи особо не церемонятся. Надо – включили тебя, как электрочайник какой, а если снова стал не нужен – выключили.

Откуда-то слева донесся сдавленный стон, переходящий в хрип. Неужели пассажиров прибавилось?

Но рассмотреть кто там, так и не удалось. Предплечья схватили с двух сторон, и я ненадолго воспарил над ребристым полом, после чего ухнул вниз. Из кузова грузовика меня выбросили, как мешок с картошкой – удар об асфальт напрочь выбил дыхание, а перед глазами вспыхнули ослепительные вспышки. Но долго корчиться не дали, снова подхватив за руки, и потащили дальше, практически волоком.

Грубое полотно асфальта обдирало ноги не хуже тёрки для овощей, вдобавок я пару раз крепко приложился ими о холодный металл, когда мои сопровождающие проходили через какие-то переборки, отдалённо напоминающие кора-

бельные. Наконец, мы достигли конечной цели путешествия, которым оказалось небольшое помещение, практически без мебели, если не считать несколько высоких железных стульев, намертво приваренных к полу. На один из таких меня и усадили, зафиксировав запястья специальными зажимами на подлокотниках. Многострадальные ноги тоже не оставили без внимания, пристегнув их чуть выше подъёма стопы. Что-то это мне всё меньше начинает нравиться.

Пока сплёвывал кровь, скопившуюся во рту, да восстанавливал сбитое дыхание, в комнату завели остальных пленников. Оказалось их всего трое – избитый до полусмерти мужик в разодранном камуфляже и перепуганная парочка супругов среднего возраста. Эти были в обычной гражданке, из чего я сделал вывод, что они тут совсем недавно. Новички, сам ещё недавно таким был. Всех тоже рассадили по стульям, после чего безликие армейцы в зеркальных полусферах откланялись, а в помещение зашли дядьки в сизых комбезах с махонькими табличками на груди, все как один сошедшие со всем известных полотен: «Их задолбалась разыскивать полиция». Наряди таких хоть во фрак с бабочкой, они всё равно будут выглядеть уголовниками. У каждого на поясе имелась кобура с пневматическим игольчатым инъёктором, с которым мне уже довелось тесно познакомиться, и длинная дубинка-электрошокер.

Главным среди «сизых» оказался лысый верзила с тяжёлым мрачным лицом, испещрённом бледными косыми шра-

мами. Он коротко скомандовал, и бандюки замерли изваяниями за нашими спинами, по паре на каждого. Последними порог переступили двое фриков в костюмах, напоминавших продвинутую химзащиту. Один из них тут же раскрыл небольшой металлический кейс, который он принёс с собой, и вынул оттуда странный приборчик с маленьким дисплеем. Другой, а точнее – другая, судя по стройной фигуре, которую не смог скрыть даже мешковатый костюм, встала рядышком с главарём «сизых», держа тонкий планшет в руках. Противогаз, похожий на маску аквалангиста, скрывал большую часть её лица, но ей хватило бы и одного выразительного взгляда, чтобы завоевать любое мужское сердце. Два бездонных голубых озера оценивающе уставились на меня, и я, против воли, залюбовался, хотя в них не было и намёка на жалость или сострадание.

Между тем напарник холодной красавицы приступил к осмотру пойманных на воле людей, благо мы не особо сопротивлялись. Как говорится, хорошо зафиксированный пациент в дополнительной анестезии не нуждается.

Первым подопытным стал угрюмый супруг, под глазом которого медленно наливался свежий синяк. Видимо, на его резонный вопрос о том, что же здесь творится, никто по-другому отвечать не пожелал. Приборчик, прижавшись к шее мужчины, вывел какую-то информацию на дисплей, всмотревшись в который, аквалангист удовлетворённо кивнул Снежной Королеве.

Та провела пальцем, затянутым в плотную ткань перчатки, по планшету и властно изрекла:

– Fit! [Годен!]

Даже сквозь респиратор её голос показался перезвоном ледяных колокольчиков. Тому, что говорила она по-английски, я уже не удивился – слышал обрывки фраз от солдатни, покуда находился в сознании, и сделал соответствующие выводы. Интересно, а к чему этот бедолага годен-то?

Настала очередь его перепуганной супруги, которую колотила мелкая дрожь. Процедура неведомой проверки была та же, а вот конечный результат оказался другой. Приборчик пронзительно запищал и аквалангист, покачав головой, сделал короткий жест рукой. «Сизые» споро освободили женщину от оков и, не обратив внимания на все попытки сопротивления, увели прочь.

– Эй, вы что творите?! – задёргался на стуле супруг, задыхаясь от бессилия. – Оставьте её!

Лысый здоровяк отточенным движением выхватил из кобуры иньектор и всадил иглу в беснующегося мужчину. Тот захрипел и через секунду обмяк.

– Соблюдайте тишину, уроды, – пророкотал верзила злобно. – А не то я за себя не ручаюсь.

– Да что ты можешь, Кирпич, – хрипло рассмеялся избитый пленник, который следующим прошёл проверку на «вшивость». – Что твои хозяева скажут, то и...

– Заткни свой улыбальник!

Предводитель «сизых» от души заехал под дых мужику, сложив того практически пополам, после чего вопроситель-но уставился на Снежную Королеву.

– Send him to theater, [В операционную его (мед.)] – решила она и, поглядев на отключившегося супруга, добавила. – This one too. [Этого тоже.]

Тот, кого избитый назвал Кирпичом, оскалился и нарочито медленно потянулся к дубинке-шокеру. Видя, к чему идёт дело, пленный наплевал на собственное дыхание и успел тихо просипеть, выдавливая из лёгких остатки воздуха:

– Шавка...

Пронзительно полыхнула вспышка электроразряда, и в сознании из пленников остался я один. Аквалангист ткнул мне в шею приборчиком, после чего тот, естественно, не запыщал, и стал собирать чемоданчик. Кирпич, поигрывая дубинкой, вразвалочку подошёл к моему стулу и вкрадчиво поинтересовался:

– Жить хочешь?

– Риторический вопрос, – скривился я.

– Тогда ответь, что ты вынюхивал на Внешке? Шпионил?!

– Людей искал, – честно ответил я. – Хотел разобраться, в какое дерьмо меня затянуло.

– Новичок, значит?! – взревел Кирпич, поднеся внушительный кулак к моему лицу. – А живец со спораном тебе подкинули, что ли? Я спрошу ещё раз, и если ответ мне снова не понравится...

Кожа на его костяшках стала сереть, как у покойника, потом цветовая аномалия перекинулась на пальцы, и через несколько мгновений кулак стал напоминать скорее часть статуи, чем руку живого человека. Здоровяк прижал конечность к моей щеке, и я отчётливо почувствовал холодное прикосновение камня. Что за бред?!

– ...Я снесу твою брехливую башку с одного удара, – закончил он угрозу.

Может, это протез такой, или меня просто от укулов ещё не отпустило? Что он от меня хочет, мать его?! Живец какой-то, споран... Так, стоп. Это же слово говорил Ломоть, после вскрытия Крепыша. Уже что-то.

– Если ты имеешь в виду настойку и зелёную виноградину, то их я добыл опытным путём, из тварей, – принялся я объяснять. – Добрые люди дали этого самого живца хлебнуть, сказали, откуда он берётся, и исчезли в неизвестном направлении. Да, окрестили ещё. Оружия не дали, пришлось выкручиваться самому.

– О, как складно, – крикнул Кирпич, потрянув головой. – И как же ты бегуна голыми руками одолел, дрыщ печальный? Задушил или просто нахер голову оторвал, Херакл?!

Окаменевший кулак опустился ниже и легонько ткнулся мне в плечо, которое тут же онемело. Ощущение было сродни ударом кувалды – перед глазами заплясали разноцветные звёздочки, и лишь закусив до крови губу, мне удалось не заорать от боли.

– Я задал вопрос.

– На...

– Чего?

– На капкан... Я егерь... Бывший...

На подробности сил у меня не нашлось. Весь мир сейчас сосредоточился в повреждённом плече, в котором в момент несильного на первый взгляд удара, отчётливо хрустнуло. Здоровяк хотел было ещё добавить что-то едкое, но его резко перебила Снежная Королева:

– Time`s up! [Время!]

– Пардон, – пробормотал он, стушевавшись. – В общую зону его пока?

– Yes, let fattening, [Да, пусть откормится,] – бросила женщина через плечо, грациозно покидая помещение вслед за помощником.

Братки в сизых комбинезонах освободили меня от пут и рывком поставили на ноги. Дышать получалось через раз, да и то – сквозь стиснутые зубы.

– А ты, смотрю, совсем стеклянный, – оскалился осмелевший Кирпич, после того, как за людьми в защитных костюмах захлопнулась переборка. – Смотри, будешь тут показывать характер – отправишься вслед за этими психами.

Он кивнул в сторону бесчувственных тел на стульях и защёлкнул на моём запястье небольшой пластиковый браслет, с выгравированными на нём цифрами «тринадцать-семьдесят три».

– Попытаешься его снять и тебе хана. Своё прежнее погоняло засунь себе поглубже в жопу, отзываться только на порядковый номер. Всё! Жмых, проводи клиента в апартаменты.

Один из конвоиров толкнул в спину, и я, держась за искалеченное плечо, поковылял на выход. От химии уже успело немного отпустить, хотя ноги всё равно были какие-то ватные.

Стоило только подойти к переборке, как железная створка тут же скользнула вбок, и мы оказались в узком коридоре. Дальше пошли однообразные переходы от одного шлюза, к другому, будто по подводной лодке шли или по бункеру какому. Единственное различие – открывались они уже только после того, как Жмых проводил пластиковой картой-ключом по специальному желобу в электронном замке и набирал нехитрый код на клавиатуре. Простейшие, между прочим, меры безопасности – никакого индивидуального сканирования и прочих ухищрений.

Видимо, это как-то связано с интеллектом персонала. Все как один повстречавшиеся по пути люди походили на самых обычных, пусть и малость ухоженных, уголовников. Что же это за место такое?

Наконец, после очередной переборки, на это раз с надписью «HOLDING WARD» [«Общая зона»], мы оказались в огромном многоярусном помещении. Центр был пуст, напоминая огромный колодец, где вместо кирпичной кладки стен

располагались жилые ячейки-камеры, закрытые прозрачным стеклом. На каждом уровне имелись широкие пандусы, по которым прогуливались всё те же сизые братки с дубинками. Нашлись и носители защитных костюмов – троица любителей противогазов как раз катила кого-то на кушетке к ближайшему лифту, на пару этажей выше нас.

Тюрьма? Вот уж не думал, что здесь они есть.

– Шагай, заморыш, чего застыл? – раздражённо прошипел конвоир, снова тыча в спину. – На заход из-за тебя опоздаю!

Вроде бы так у блатных принятие пищи называется, точно не помню, да тут и свои термины могут быть. В былые времена я такого товарища скрутил бы в неприятную и унижительную позу и доставил бы в таком виде куда следует, сейчас же пришлось молча хромать, стискивая зубы.

Успею ещё ему пару ласковых сказать, надо только руку в порядок привести, а то душить неудобно будет. Не надо меня путать с обычным перепуганным попаданцем, которого тормознули на трассе в первые же часы после телепортации, я сюда, можно сказать, сам дошёл. А значит, и выйду сам, когда разберусь, как это сделать.

За прозрачными стеклами скрывались четырехместные камеры, похожие скорее на больничные палаты, с недовольными пациентами в пижамах, провожающих злобными взглядами каждую фигуру снаружи. Мне тоже выдали подобное одеяние, вызвавшее невольную усмешку, и погнали в душевую кабину. Там я в который раз едва не заорал от боли

– неожиданно со всех сторон избитое тело окатило плотными горячими струями, смывая грязь и пот. Если бы не рвущая сознание боль в плече и ноющие ноги, пожалуй, процедура даже понравилась бы. Добротный камуфляж, в котором я провёл всего сутки, сизые упыри забрали, и я снова вернулся к своим истокам. Разве что ткань у этой пижамы оказалась чуть получше, а цвет – бледно-оранжевый.

Облачившись согласно местным традициям, я, наконец, оказался в своём номере, где коротали время трое мужчин. Кровати стояли в один ярус, тумбы или прочая мебель отсутствовали, имелся лишь открытый пластиковый унитаз за ширмой в дальнем конце комнаты. Однозначно – три звезды, не больше.

– С прибытием на Ферму «Крайтон»! – оскалился Жмых, вталкивая меня внутрь.

Сервис тоже на троечку – только сейчас мне сказали название этого гостеприимного места. Так в жалобную книгу и запишу.

– А почему Ферма-то? – решил я всё же спросить у конвоира, но тот уже закрыл за моей спиной прозрачную дверь, толщиной в пару сантиметров.

Я постучал костяшкой по гладкой поверхности – глухо. Пластик или плексиглас, поди так на глаз разбери.

– Ферма, потому что нас тут забивают, – ответил один из пижамников на повисший в воздухе вопрос. – А официальное название – пункт временного содержания чего-то там.

Неважно, в общем.

Он оказался стриженным худощавым азиатом лет под сорок, с широким лицом и узкими миндалевидными глазами. Но говорил чисто, без акцента. Москвич, что ли?

– В каком смысле, забивают? – перво-наперво уточнил я.

– Как скот. У внешников наши органы на вес золота, ты не в курсе что ли?

– Чего-о?!

– Ясно, свежак, – угрюмо заключил второй обитатель палаты – заросший по глаза детина, с татуировками на запястьях.

Этот точно мог бы на кулачках с Кирпичом силушкой померяться, хоть и выглядел он болезненно. Бледная кожа, круги под глазами – что-то это мне напоминает...

– Давно здесь? – со вздохом спросил азиат.

– Чуть меньше недели, – прикинул я, и вернулся к насущному. – Так что там с органами?

– Их вырезают. Периодически.

– На кой чёрт?! Незаконная трансплантация, что ли?

– Ой, мра-а-ак, – печально протянул азиат. – Тебя как звать-то? Алёша, небось, какой-нибудь?

– Полоз меня зовут, – жёстко ответил я. – Крёстный мой – Декан, только вот сгинул он практически сразу, не объяснив мне нифига. И если тебе это кажется смешным, то давай разговор сворачивать. Нет настроения что-то.

– Значит, продвинутый немного, уже легче, – примири-

тельно ответил широколицый. – А то рассказывать с самых основ дело неблагодарное, никто этого не любит. Многие вообще брошюрку для таких вот печатают, чтоб не чувствовать себя попугаем. Меня звать Шумахер, почему так – долгая и скучная история. Этот вот угрюмый товарищ – Сыч, он у нас за старшего.

Заросший мужик кивнул и откинулся на подушки, проворчав:

– Тише бубните. Я спать собираюсь.

– И последнего нашего сокамерника, – улыбнулся азиат, указав на третьего узника, даже не приподнявшегося с кушетки. – Зовут Похер. Прошу любить и...

– Шумахер, твою же мать, узкоглазую! – раздалось на всю камеру. – Заманал уже! Poker я, придурок ты нерусский! Радуйся, что встать не могу...

– Если я ща встану, ты и дышать разучишься, – пообещал Сыч. – Затихли все.

– Ну чего он...

– Ну, раз ты Poker, – хитро прищурился Шумахер. – То ответь, что кого кроет – флеш или фулл-хаус?

– Конь калмыцкий твою маму кроет!

– Вот о чём и речь, – совершенно не обидевшись, хмыкнул азиат. – Так и бывает с теми, кто себе имя сам придумывает. Ладно, со знакомством покончили. Давай к оградке поближе, а то, не ровен час, Сыч и правда встанет.

Мы устроились у прозрачной стены, за которой, не спеша

прогуливались надзиратели с дубинками.

– Скажи мне кто, что я окажусь в тюрьме, где сидят приличные люди, а охраняют их конченные уркаганы, плюнул бы тому в лицо, – признался мой собеседник после долгой паузы, пока мы наблюдали за жизнью снаружи.

Снова показались аквалангисты с каталкой, но уже с противоположной стороны колодца, метрах в сорока от нас. Пациент им попался беспокойный, умудрившийся, дёргаясь в путах, сбросить с себя белоснежную простыню. К каталке подскочили «сизые» и мигом угомонили бунтаря дубинками.

Шумахер скривился, как от зубной боли.

– Твари...

– Расскажи мне о них, – попросил я.

– Пожалуй, с этого и начнём. Интернета с телевидением здесь нет, даже книги не выдают, остаётся только рассказывать новичкам, как же им не повезло. Видишь этих уродов в презервогазах? Это внешники и есть. Жители, как ни странно, Внешки – самой окраины обитаемых земель Улья. Он же Стикс, он же Беспросветная Жопа, называй, как хочешь. В отличие от нас, иммунных, вирус для большинства из них смертелен, вот и мыкаются в резине, дабы чего не подхватить. Пока всё понятно?

– Вроде бы да, вот только откуда они все? Тоже провалились?

– Каждый из своего мира. Тех, которые нашли сюда доро-

гу.

– Мира?!

– А, так ты и про мультивселенную не знаешь?! – спохватился Шумахер. – Ну, так лови подачу в девственный мозг – реальностей бесконечное множество, иногда похожих, иногда совсем разных. Вот оттуда все сюда и сыплются, как в отстойник.

– Хочешь сказать, что ты не с Земли? – не поверил я.

– С Земли, конечно, просто с чуть другой версии, чем твоя, родная. У кого-то Российская Империя до сих пор цветёт и пахнет, кто-то прям с первомайского советского митинга прилетает, а некоторые утверждают, что у них там диктатура и тоталитаризм махровый. Хотя различия могут быть и совсем мелкие – типа не тот автор на учебнике по математике. Двух совсем уж одинаковых миров найти трудно, да их, мне кажется, и не существует.

От такой информации голова чуть не закипела, но нечто подобное я уже испытывал во время встречи с Деканом, даже пульсирующее болью плечо принялось понемногу отпускать. Пошло на этот раз легче. Хотя бы стало ясно, откуда ноги растут у странных дат в деревне.

– Ладно, пусть так, – кивнул я. – Почему же внешники не перезаражались, когда впервые в ваш Улей не попали?

– Может и отъехал из них кто, поди теперь узнай, – пожал плечами азиат. – Но есть существенная разница между кораблекрушением и десантом. Весь фокус в том, что они

в свои мирки спокойно возвращаются обратно. Как – хрен его знает, но факт доказан. И сразу предвижу самый популярный вопрос – вернуться хотя бы в чужую реальность не получится, ты хоть иммунный, но всё равно заражён, и это не лечится. Сечёшь, о чём я?

– Тому миру настанет конец.

– О, соображаешь! Поэтому те из внешников, кому пощастливилось занять иммунитет, сидят здесь безвылазно. К своим-то их уже не пускают. Таких, правда, совсем немного – считанные единицы, живут они в достатке и греют задницы исключительно на руководящих должностях. А не то совсем бы тут с мотивацией плохо стало.

– Так они все иностранцы?

– Это по-всякому, и русские даже попадаются. Миры-то разные. Но в нашем регионе преимущественно представители Европы и Северной Америки масть держат. На втором месте по популярности – центральная Азия.

– А охрана, получается, из местных?

– Ну да, их у нас мурами называют. Шестёрки внешников, на них вся грязная работа. Но, между тем, к ним так просто не попасть – нужно быть в прежней жизни лютым зеком, в крови по локоть. Смертность у них повышена, не без этого, но кандидатов полно всегда – никому ж не хочется быть добровольным донором.

При этих словах Шумахер против воли вздрогнул, видимо, припомнил не очень приятный эпизод.

– Так зачем же внешникам наши органы? – вернулся я к болезненной теме.

– Фармацевтика, мать её химию, – вздохнул азиат. – Мы для них святой Грааль и философский камень в одном флаконе. Иммунный же не болеет ни хрена и любую несмертельную рану может залечить, дай только срок. Вот они и наблателькались безопасно извлекать из нашего ливера необходимые ферменты, на основе которых варганят свои лекарства... От всего.

Да уж, вот это новости. Думал, что попал в тюрьму, а тут, скорее, концлагерь с медицинским уклоном. Действительно – ферма, лучше не скажешь.

– И часто они вас потрошат?

– Не вас, а нас, – поправил Шумахер. – Тебя завтра того... Да не дёргайся ты, обследуют для начала и подберут индивидуальную программу. Вряд ли вырежут сразу чего – больно ты тощий, даже для новичка. Болел там, что ли, у себя?

– В точку, умирать ехал на «скорой».

– Ну, поздравляю с новой жизнью! С живцом и прочим здесь не жадничают, благо он им без надобности. Поправишься быстро, массу наберёшь, а потом и под нож можно... Лишь бы у тебя способность какая полезная резко не прорезалась, а то могут и в разделочную сразу от греха подальше определить.

Проклятье, как же я многого не знаю...

– Что ещё за способность?

– У всех иммунных в первые дни проявляется нечто... Вроде дара, если с живцом проблем не было. Со временем эта способность улучшается, если долго проживёшь или горох регулярно употреблять будешь. У всех сначала она строго одна единёшенька, новые же открываются либо со временем, либо с помощью жемчуга. И его, и горох извлекают из матёрых заражённых, так же как и спораны. Понятно?

– Да, – кивнул я. – А какие именно способности появляются?

– Кому как повезёт, – развёл руками Шумахер. – А бывают они самые разные, изредка востребованные, но чаще всего – бесполезные и смешные. Так что не думай, что все тут сплошные супергерои из комиксов. У тебя-то что-нибудь странное приключалось в последнее время?

– Если не вспоминать, что меня перебросило в отстойник мультивселенной, – уточнил я. – То мне удалось почувствовать приближение довольно серьёзного перерождённого. Потом ещё раз, хоть и тварь была слабее. Это считается?

– Тонкий сенс... – задумчиво пробормотал азиат, почесав подбородок. – А ничё так, вдвойне обиднее здесь сгинуть. Мог бы неплохие деньги на рейдах зарабатывать.

– То есть это и есть моя способность? Что-то вроде экстрасенса?

– Ну да, есть чем гордиться. У меня вот «зелёная ладонь» – нет, не то, что ты подумал, извращенец, это когда прикосновением человек убабывает развитие растений.

Недозревший плод, опять же, в руке могу спелым сделать. Мечта мелиоратора, в общем.

– Ничего себе! – присвистнул я, прикинув, какие деньги он мог зашибать на прежней Земле. – А у Сыча и Покера?

– Похер считает в уме, как заправский калькулятор, а наш старшой видит в темноте лучше, чем днём, до сих пор не пойму, как он Филином не стал.

– Ну, ты тоже не Мичурин вроде.

Азиат тихонько хмыкнул, потряхнув головой.

– У вас-то гонщик Шумахер имелся? Вот! А у меня – нет такого. Но это никого не волновало, когда я, будучи таким же свежаком, как и ты, вылетел на дорогом авто с салона прямо на трейсерскую группу, с матёрым мертвяком на хвосте. Те, кто жив после той заварухи остался, так меня дружно и окрестили.

– Трейсеры это кто?

– Охотники на мутантов, – пояснил азиат. – Ты бы им о-очень пригодился, со своим-то специфичным даром.

– Ну да, в этом я немного соображаю, – скромно признался я, и, припомнив недавние события, спросил. – А некто Кирпич тебе знаком? Этот парень как-то сделал свой кулак похожим на кусок мрамора, как таких называют?

– Ублюдки, вот как их называют, – зло сплюнул Шумахер. – Живой, падла, вернулся... Думал – грохнули его. Они тут на пару с Синим здешние бугры, даже не знаю, кто из них хуже. А кого ещё успел увидеть?

– Кроме безликих солдат и мелких отморозков, – начал я перечислять. – Разве что женщина-внешник, все перед ней на цыпочках ходили, даже твой пресловутый Кирпич.

– Доктор Стерва... – изумлённо протянул мой собеседник. – Ну, ты и везучий! Со знаком минус, правда...

– Её правда так зовут?

– Нет, конечно, – хекнул азиат. – У внешников обычные имена, им кликухи ни к чему, они не принадлежат к этому миру. Она Стелла как-то там «-ски», не помню точно. Боченски, Ковальски? В общем, не суть. Доктор Стерва здесь одна из ведущих специалистов, увидеть её в Приёмнике – плохая примета. Обычно те из новичков, что попали именно на неё, долго на ферме не задерживаются... Извини.

– Да ладно, мне всё равно у вас тут не нравится, – отмахнулся я.

Мы ненадолго замолчали, думая каждый о своём.

Наконец-то всё стало понемногу проясняться. Вот только особой радости от того, что узнал сегодня так много нового, у меня не возникло. Достаточно вспомнить, что со мной в скором времени сделают.

– Как часто нам под нож?

– Всё индивидуально, – пожал плечами Шумахер. – Но долго такое издевательство организм всё равно терпеть не может, циклов десять-пятнадцать максимум. Начинаются проблемы, вот как у Похера, хотя у него всего восемь операций за спиной. И девятая, походу, будет последней. Да и

долго сидеть на попе ровно мы не можем – у кого регенерация выше среднего, того трясучка доканывает.

– Ты же говорил, мы ничем не болеем? – напомнил я.

– Только если соблюдаем положенный этим миром режим – пьём живец и время от времени шаримся по кластерам. А здесь стаб, хоть и махонький, поэтому после длительного пребывания начинается мандраж, вот как у тебя. Если забить на симптомы, можно поиметь проблем. Естественно, ты ни черта не понял, что я сейчас сказал, верно?

– Угадал.

– Ох, как всё запущено... Как же ты выжил-то, везунчик?

– Я бы не стал себя так называть.

– Ну, раз сюда попал, то возможно и ты и прав, – азиат зевнул и потёр глаза. – Уморил ты меня, надо отдыхать ложиться, скоро свет погасят. Ну ладно, кратенько, раз ты быстро на лету схватываешь. Окружающий нас мир напоминает пчелиные соты, поэтому много кто вполне оправданно называет его Ульем. Каждый участок-сота имеет строгие границы, а вот площадь у них произвольная – это кластеры и есть. Время от времени там происходит перезагрузка, всё заволакивает вонючим туманом, и хлоп! Появляется кусок чужого мира, со всем, что там находилось в момент переноса. И начинается обычная такая возня – кто-то кого-то жрёт, кто-то мародёрит, а остальные грабят и убивают всех, кто на глаза попадётся. Пока всё ясно?

– Более чем. Я встречал резкую смену ландшафта, и как

раз не мог понять, что это такое. Получается, здесь везде такая чехарда?

– Не совсем. Внешка-то она потому так и называется, что граничит с такими дрянными участками, жить на которых нельзя от слова – совсем. Это окраина обитаемых земель, за ней жизни нет. Дальше царит вечная чернота, где зазеваешься – и станешь обсидиановым памятником самому себе, а потом вовсе рассыплешься кучкой праха. Обитаемые же кластеры бывают трёх видов – быстрые, стандартные и длинные, это от времени всего цикла зависит. Попадаются и такие, на которых перезагрузка происходит настолько редко, что ждать её можно десятилетиями, а можно и вовсе не дожидаться – это те самые стабы. Понимаешь, тут вот какое дело – оказаться в перезагружающемся кластере, такого даже врагу не пожелают. В лучшем случае просто умрёшь, а в худшем... Ну не будем об этом, на ночь глядя. Стабы тем и хороши, что в них можно относительно безопасно строиться и жить, не всё же время наперегонки со смертью бегать. Но сидеть там безвылазно тоже не получится – через некоторое время организм начинает барахлить, пока не отказывает совсем. Лекарство простое – снова выйти на большую дорогу. Вот так и живём, как белки в горящем колесе.

– Да уж, будет о чём ночью поразмыслить, – потёр я подбородок здоровой рукой. – Ты кто по профессии, не преподаватель ли часом?

– Не, – хмыкнул Шумахер. – Окончил, правда, питерскую

Чернильницу, но работал в автосалоне – дорогие тачки логам толкал.

Наш разговор прервал оживший интерком под потолком, который я сначала и не заметил:

– Внимание, отбой!

Я задрал голову и увидел небольшую камеру слева от динамика, угол обзора которой охватывал большую часть помещения. Какие же предусмотрительные здешние живодёры, однако. Интересно, у них на мониторах один из местных «сизых» сидит или грамотный человек?

Яркий свет в камере плавно начал тускнеть, как в вагоне поезда, но до полной темноты так и не добрался. Я пожелал словоохотливому Шумахеру спокойной ночи, дохромал до оставшейся пустой кровати и рухнул на матрас. Плечо всё ещё пульсировало болью, но мне сейчас было не до него. Нужно переварить свалившуюся на меня гору информации и придумать, как отсюда свинтить до того, как мне отрежут что-нибудь из нужного.

По палате разнёсся громкий храп – это Сыч, наконец, убрал подушку с лица, и перевернулся на спину. Всегда везло мне на таких соседей.

Я какое-то время задумчиво наблюдал сквозь стекло за бредущими на пересмену надзирателями, но, видимо, химия не прошла для организма даром – сморило и меня.

На этот раз кошмаров избежать не удалось. Сначала за мной кто-то гнался по тёмным бесконечным коридорам, за-

тем я оказался в стерильной операционной, связанным и беспомощным. Сколько бы я ни дергался в путах, меня все плотнее прижимало к хирургическому столу, окружённому людьми в больничных масках. От адреналина кровь застучала в голове, а между тем одна из фигур, вооружившись блестящей пилой, склонилась надо мной, выбирая место, с которого лучше начать. Понимая, что второй попытки уже не будет, я рванулся душой и телом прочь...

И провалился в густую, липкую черноту.

Но способность мыслить на этот раз осталась со мной. К тому же, и места оказались знакомые – здесь мне уже довелось однажды побывать. Со всех сторон на меня злобно вытаращились немигающие алые глаза, будто я ненароком громко испортил воздух.

«Чего вы от меня все хотите!?»

Внезапно до меня дошло, что это не сон. Я прекрасно помнил себя, осознавал, что лежу на кушетке посреди современного концлагеря, но проснуться никак не мог. Что за бред, у меня снова обморок?

Глаза понемногу вроде бы стали приближаться. Не знаю, в темноте, подсвеченной лишь алым, трудно было судить о расстояниях, но они явно стали больше. Пронзительно заняло в затылке, как тогда, в деревне, когда за мной по пятам шла перерожденная тварь. Неужели...

Но тут меня, наконец, выплюнуло на свет божий, как косточку от вишенки – далеко и без мякоти. Я очнулся весь

мокрый от холодного пота, сердце истошно колотилось об рёбра, а на губах стоял отчётливый привкус крови, стекающей из носа. Зато мерзкое ощущение в затылке принялось понемногу стихать.

– Подъём! – взревел интерком.

И тут же пронзительно вспыхнул свет, выжигая привычную к полутьме сетчатку глаз.

– Да вашу ж мать, ублюдки!

Сыч безуспешно тёр слезившиеся глаза, сев на кровати. Покер продолжал лежать, лишь набросил простыню на голову, а вот Шумахер поднялся и, как ни в чём не бывало, приступил к простенькой гимнастике. Я тоже сел, наклонившись вперёд, и попытался остановить кровотечение. Жаль, из подручных средств ничего не было, так что я опять умудрился испачкать пижаму. В лучших своих традициях.

– Эй, чего это с тобой? – подскочил ко мне Шумахер.

Ответить я не успел. Дверь, ведущая наружу, бесшумно распахнулась и в камеру заскочила парочка надзирателей.

– Что за юшка, кто разрешил махач!?

– Никто, он сам! – испуганно заверещал Покер с кровати, хотя на него подумали бы в последнюю очередь.

– Захлопнись, лежак, – уже спокойней произнёс «сизый», приближаясь к моей кушетке с расчехлённой дубинкой. – Эй, тринадцать-семьдесят три, кто тебе вштал?

– Давление подскочило, – совершенно честно признался я. – У меня так бывает.

Надзиратели переглянулись, и тот, что постарше, пожал плечами:

– Лепилы разберутся. На выход!

За дверью нас поджидала уже знакомая каталка с ремнями-фиксаторами и парочка внешников в защитных костюмах. Я покорно лёг в ложе, поморщившись от прострелившего болью плеча, когда меня пристёгивали, и поехал к лифту. Лишь отметил про себя, что товарищи иностранцы предпочитают без особой нужды в камеру не заходить.

В просторную кабину мы забились впятером, но стоило нам опуститься, как надзиратели нас покинули. На нижнем уровне оказалась своя охрана – затянутые в боевые скафандры бойцы, вооружённые ухватистым пистолетом-пулемётом, отдаленно напоминающим бельгийский Р-90. Один из них и сопровождал каталку до конечного пункта поездки – нескольких смежных отсеков, забитых медицинским оборудованием под завязку.

Меня попросили раздеться и заполнить для анализов несколько ёмкостей в тесном санузле, после чего последовал внушительный забор крови и самое неприятное – срезание кусочка кожи на руке. Получившуюся рану обработали и поставили капельницу, после которой у меня, наконец, перестало дёргать повреждённое плечо, а по телу разлилось приятное тепло. На некоторое время меня оставили в покое и всё та же парочка внешников наблюдала, как быстро восстановится повреждённый кожный покров.

Не спорю, здорово ощущать себя бессмертным Дунканом Маклаудом, чьи раны затягиваются на глазах, но радость несколько преуменьшало то, что регенерацию здесь будут использовать по полной программе. Снова и снова, пока не выпотрошат меня полностью.

Ну, уж нет! Не получится отсюда сбежать – живым я им точно не дамся.

Последним пунктом обследования шла странная установка, похожая на противоестественную помесь кабины для солярия и МРТ, где пришлось лежать около двадцати минут в костюме Адама. Даже пластиковый напульсник с личным номером на это время сняли.

Получившийся результат сканирования озадачил вивисекторов и они, судя по звукам, задействовали гарнитуру. Мне же не оставалось ничего другого как лежать и ждать появления более компетентных специалистов.

Доктору Стерве я практически не удивился, а вот она напротив – не ожидала встречи и сходу отчитала неразумных коллег, побеспокоивших её по пустякам. Но показания, что они ей успели подсунуть, похоже, удивили и её. Минуты две происходил оживлённый спор, в котором большую часть времени говорила именно женщина, после чего тот из внешних, кто немного владел русским, спросил:

– Тринадцать-семьдесят три, чем ты болеть?

– Злокачественная опухоль в затылочном отделе головного мозга, – припомнил я. – Как там по-медицински диагноз

звучал, не помню.

Толмач перевёл мои слова остальным. Доктор Стерва удовлетворённо хмыкнула и ледяным тоном изрекла:

– Idiots, he hasn't recovered yet! [Идиоты, он просто ещё не восстановился!]

Меня извлекли из саркофага и выдали свежий комплект больничной одежды, не забыв снова защёлкнуть браслет на запястье. Раздражённая женщина покинула отсек, выговорив напоследок двум смущённым аквалангистам всё, что она о них думает.

Обратно каталку сопровождал один-единственный внешник, погружённый в нерадостные мысли. Даже код на панели у него получилось правильно набрать лишь с третьего раза.

В общей зоне за время нашего отсутствия ничего не изменилось. Всё та же парочка «сизых» надзирателей встретила нас по прибытии, сопроводив до самой камеры, где мне вручили пластиковую бутылочку с живцом и оставили в покое.

Плечо давно уже перестало ныть, срезанный участок на руке затянулся новой розовой кожей, так что можно смело заявлять, что отделался я лёгким испугом. На этот раз.

Но спокойно поваляться на кровати, погрузившись в тяжёлые размышления, не дали мои новые сокамерники. Стоило только надзирателям отойти от прозрачной двери, как рядом приземлились Сыч и Шумахер. Оба напряжённые, с хмурыми лицами, как обычно бывает у мужиков перед дракой. И вряд ли они в моё отсутствие успели поссориться

между собой.

После тяжёлой мхатовской паузы тишину нарушил Сыч:

– Слышь, Полоз, или как тебя там, мы хоть и не на хате в настоящей зоне паримся, но брехливых здесь тоже не слишком уважают...

О как, не успел тут и суток пробыть, а уже что-то предъявляют. Ничего у людей не меняется.

– Обоснуй свои слова, – спокойно ответил я.

– Ты утверждаешь, что новичок, всего неделю в Улье, – веско проговорил мужик. – И когда тебя честно спросили, открылась ли твоя способность, сказал, что чувствуешь заражённых. Сенс типа.

– Всё верно, так в чем проблема?

Сыч нехорошо улыбнулся. Настолько нехорошо, что мне невольно захотелось на шарить рукой чего-нибудь потяжелее, ибо не гожусь я такому верзиле в спарринг-партнёры – килограмм на тридцать разница.

– А скажи-ка мне тогда, сенс Полоз, – процедил он, не переставая скалить зубы. – Куда это ты исчезал сегодня ночью?

Глава 7

Встречал я упёртых людей, но таких...

– Ты просишь слишком уж дохрена для человека, который здесь всего пару дней, – скривился Сыч. – Пришёл непонятно откуда, никто тебя не знает...

– Мне нужен твой горох, – в который уже раз повторил я. – Без него способность не прокачать, сам же говорил.

– А тебе больше ничего в газетку не завернуть?!

– Один я всё равно не справлюсь. Либо мы вместе, либо нас тут рано или поздно разделают, как рождественскую индейку.

Но сокамерник не собирался так просто сдаваться.

– Ты сам ещё толком своим даром управлять не научился, откуда знаешь, что получится?

– Другого выхода у нас всё равно нет, – пожал я плечами. –

Нужно попробовать.

– Ну, исчезаешь ты и что? Худини хренов... Выхлоп от этого в здешних стенах всё равно миллипиздрический. Думаешь, самый умный, да? Отсюдова такие Кулибины не смогли сбежать, которым ты и в подмётки не годишься! Охранная система только на первый взгляд кажется слепленной на коленке, но чем дальше от хаты, тем больше будет у тебя проблем.

– Кстати, расскажи о прошлых попытках, раз уж речь за-

шла, – попросил я тихо.

– Вот пусть Шум тебя просвещает, раз он в добровольные экскурсоводы записался, – отмахнулся Сыч. – А мне чесать языком некогда, видишь – товарищи ждут. Ты уж постарайся к моему приезду выдать достойную причину, ради чего я страдать должен.

И действительно, за прозрачной дверью уже переминалась в ожидании надзирателей парочка внешников с неизменной каталкой. Те появились лишь спустя минуты полторы, и с гаденькими ухмылочками вывели заключённого наружу.

Интересно, а как лежачего Покера эти боязливые товарищи забирать будут? Нас всех отведут куда подальше или доверят каталку «сизым»?

– Что пригорюнился, Полоз? – Шумахер подошёл ко мне, и вполголоса поинтересовался. – Не оставил ещё свою авантюрную затею?

– И не думал, – так же тихо ответил я. – Раз уж выпал такой шанс...

– Мы ещё толком ничего не знаем про твою способность, не радуйся заранее. И вообще – ты мутный тип какой-то. Мало того, что свалился не пойми откуда на нашу голову, так теперь вот подстрекаешь к совершению самого тяжкого здешнего проступка. Если бы не твоя болезненная худоба, подумал бы, что ты никакой не новичок, а подсадной, дабы начальники Фермы смогли перед своим руководством козырнуть предотвращённой попыткой побега. Слишком уж

ТЫ СМЕТЛИВЫЙ.

– Не вижу смысла в такой комбинации – мы здесь всё равно смертники, – возразил я. – Расскажи-ка мне лучше о моих предшественниках. Хочу сначала поучиться на чужих ошибках.

– Только не думай, что это тебе это сильно поможет.

– Уж как-нибудь разберусь.

– Ну, тогда слушай. Ежели самые удачные вспоминать, то на первом месте, пожалуй, Лис будет. Умел он человека уболтать на что угодно, хоть мать родную продать. С внешниками, правда, фокус не выходил – не понимают они по-нашему нихрена, а брали его, как и тебя – на рейде. Глупо попался... Но вышел отсюда гоголем, как только сил набрался – сам бывший пахан его под ручку выводил, никто даже пикнуть не посмел. Переоделся он под обычного мурра и уехал с очередной машиной к ближайшему быстрому кластеру, ага... Никто подмены и не заподозрил, но только стоило ему пересечь ворота, как сработал браслет – вот этот самый, что у нас на руке, да так нехорошо сработал, что машину ту часа полтора от его останков отмывали. Такие вот дела...

– Я уже понял, что это не бижутерия. Что ещё про них известно?

– Они вроде бы считают состояние заключённого, как и что именно – поди, разбери. Но штуку эту так просто не снять, не пластик это галимый, а какой-то сплав, без инстру-

мента никак. Но загвоздка-то не в этом. Даже если Улей тебя силушкой не обидел, и сможешь-таки его как-то повредить, смело засекай время до того момента, как муры за тобой придут и сдадут тебя на колбасу. Не знаю, как у тебя, а на моей Земле весь скот чипировали, вот прям как нас...

Я невольно провёл рукой по гладкому напульснику. Был он не толще тех, что в иностранных отелях туристам на запястье вешают, а вот начинку, судя по всему, имел самую продвинутую.

– Так, с этим моментом всё ясно. А что с остальными беглецами?

– Да в основном-то все во дворе сыпались, – пожал плечами Шумахер. – Охрана снаружи из внешников, хоть и мало их, но оружие серьёзное – крупнокалиберные пулемёты и снайперки на каждой вышке. Стена, опять же, вокруг здания метров пять. Это без колючки, которая в свою очередь, под напряжением, для пущей бодрости.

– Тяжёлое что-нибудь имеется?

– А тебе этого мало, юморист? Есть и посерьёзнее – миномёты, для тех идиотов, кто снаружи напасть вздумает. Ну, и «Скарабеи» – броневики те самые, на которых они по своему району катаются. Это то, что на Ферме. А база их совсем рядом, если надо, оттуда маленькая армия сможет подойти. Достаточно?

– Вполне, – кивнул я и уточнил. – А почему они нас на этой самой базе и не держат?

– А нахрена им заразу в собственный курятник заносить? – вопросом на вопрос ответил азиат. – Они к себе даже муравьев не пускают, а мы им тем более ни разу не сдались. Тем более тут, по слухам, несколько быстрых кластеров неподалёку, туда они регулярно в рейды ходят, заражённых отстреливают, а иммунных – сюда, на откорм и забой. Так что внешники здесь посменно, охраняют персонал внутри Фермы и следят за периметром.

– Понятно. Время подскока подкрепления известно?

– Вот это чёрт его знает. Но думаю, что не особо долго – они наверняка очкуют слишком далеко такой щекотливый объект держать.

– Прежде на Ферму уже нападали?

– Ох, и любопытный ты... – вздохнул Шумахер. – При мне нет.

– А что старожилы рассказывают? – невинно поинтересовался я, и, увидев недовольную гримасу сокамерника, улыбнулся – Да ладно тебе, идиоту же понятно, что вы как-то общаетесь меж собой. Всё-таки отсюда выпускают прогуляться?

– Это ты сериалов про тюрьмы насмотрелся, наверное, – вздохнул азиат. – А здесь не зона – никому до пресловутых прав человека дела нет. Естественно, общаемся, особого секрета здесь нет, даже охрана в курсе, но это дело ими не поощряется, мягко говоря.

– Отлично, мне нужно будет несколько людей в помощь.

– Если только Сыч даст отмашку, – мотнул головой Шумахер. – А он точно её не даст, пока ты некрепишь свой успех. Поэтому нужно долго и упорно тренироваться. И, помимо прочего, ещё есть одна существенная проблема – наш соседка.

Покер, до этого тихо дремавший на своей кровати, заворочался и с кряхтением перевернулся на бок. Тут не надо быть гением тактики, чтобы понять – с нами в побег он пойти не сможет, а вот заложить, и выиграть себе немножко времени на восстановление...

– Что ему могут предложить за нас? – уже шёпотом спросил я.

– Если ты реально крут, то могут даже и комбинезончик подогнать, – мрачно ответил азиат. – Им мясо на затычку какой-нибудь опасной дыры всегда нужно, там текучка покруче, чем в риэлтерской конторе, а для него, дурака, это покажется шансом.

– Думаю, эта проблема решаема.

– Ну, смотри сам.

Окончательно проснувшийся Покер прочистил горло и подал голос:

– Эй, голубки, чего там шепчетесь?

– Думаем, как тебя по-тихому придушить ночью, чтоб у нас тут не воняло под носом, киндер ты сюрприз в подгузнике, – Шумахер отошёл от прозрачной стены, у которой мы общались, и сел на свою кровать.

– Ага, удачи, узкоглазый! Помахать в камеру не забудь, если успеешь, конечно, – ехидно оскалился больной.

Я не стал вслушиваться в их вялую перепалку и направился в санузел, состоящий из хлипкого пластикового унитаза и крохотной раковинки в дальнем углу палаты. Видеокамера, судя по углу обзора, сюда доставать не должна, вдобавок это шикарное убранство огораживалось тонкой тканевой ширмой. Лучше места для тренировки не найти, не под кровать же лезть.

Сев на крышку толчка, я туго намотал на руку гибкий капилляр от капельницы. Помню, некоторые ребята в больнице из них делали настоящие произведения искусства, мне же пока достаточно было и этого. Надеюсь, получится потом незаметно подкинуть его обратно Покеру, чтобы он не обнаружил пропажи.

Покончив с приготовлениями, я закрыл глаза и постарался сосредоточиться. Как выяснилось, концентрация – ключ к управлению большинством способностей, а уж с моёй строптивницей...

Трудней всего было в первый раз. Сидел, пыхтел, как дурак, не вполне понимая, что вообще надо делать, а время, между тем, поджимало – зрители нервничали. Но в этот критический момент неожиданно помог адреналин, кипевший в крови. Теперь же предстояло взять дар под контроль и попробовать покинуть палату не на жалкие доли мгновения.

Я выровнял дыхание и закрыл глаза. Понятное дело, что в

стрессовой ситуации организм способен проявить чудеса, но в идеале мне хотелось бы научиться применить способность до того, как испугаюсь.

Тут всё просто. Я знаю, что умею это делать, мне просто нужно очень сильно захотеть...

Голова резко закружилась, а в глазах потемнело уже взрослому – искусственный свет сквозь сомкнутые веки больше не пробивался. Однако я непостижимым образом стал видеть окружающие меня предметы, будто они превратились в стекло. На дне прозрачного унитаза плескалась мутная вода, поступающая через трубу, ответвляющуюся от магистрали где-то под полом. Её я видел вполне отчётливо, как в колбе, а вот моих сокамерников, наверняка валяющихся на своих стеклянных кроватях, разглядеть отчего-то не мог. Ещё одна странность.

Собственных рук я тоже не различал, а вот пластиковый браслет и колечко капилляра никуда не делись, они просто будто повисли в тёмном воздухе. Так-так...

Стеклянный мир окружал меня сферой диаметром метров пятнадцать, не больше, так что рассмотреть всё здание целиком не представлялось возможным. Я перевёл взгляд дальше, вглубь прозрачных граней, за которыми клубилась моя старая знакомая – Её Величество Темнота. Горящие ярко-алым глаза никуда не делись, а вот количество их заметно прибавилось. Но даже без их тяжёлых немигающих взглядов я каждой частичкой своего измученного тела ощущал, что

мне здесь не место. Не должен сюда человек попадать, особенно из мира живых. А я вот бессовестно подглядываю.

Последует ли наказание? Надеюсь, что да.

Однако, давило тут не по-детски, будто на серьёзной глупине без акваланга, нужно было срочно всплывать.

Вынырнул я из стеклянного мира обратно в реальность мгновенно, как пробка из бутылки. Только схватившись за края унитаза, смог не сверзиться с него на пол – настолько всё кружилось перед слезящимися глазами. Сколько мне там удалось продержаться – две, три секунды?

Из носа снова хлынуло, но я к этому был уже готов. Туалетная бумага, свернутая в тонкий фитилёк, отлично впитала в себя кровь, а стоило хлебнуть живца из незаметно прихваченной с собой бутылочки, как течь начала понемногу стихать. Да уж, отходняк дикий, хорошо, что чувствовать себя выжатой половой тряпкой для меня давно не в диковинку. За время, проведённое в больничной койке, и не такого натерпелся.

Шум в голове немного улёгся, но затылок по-прежнему был онемевший, будто отлежал его на чём-то твёрдом. Я невольно провёл рукой по коротким волосам, убедившись, что там всё на месте, а не оторвало кусок к чертям от дикого напряжения.

Однако, долго расслаживаться здесь не стоило. Я аккуратно собрал все окровавленные клочки бумаги, побросал их в унитаз и нажал на смыв. Затем тщательно умылся и стал

прикидывать – всё ли улики я убрал? Соображалось ещё туго, и только лишь через мгновение я спохватился и подобрал с пола валяющийся моток капилляра. Отлично, всё прошло как нельзя лучше.

Интересно, а где же всё-таки я оказываюсь... Другое измерение? Изнанка этого мира?

Ладно, оставлю размышления на потом. Главное – когда я появляюсь там, то здесь я полностью исчезаю. И нужно воспользоваться этим эффектом по максимуму.

Вернуться на свою койку не составило большого труда, хоть и покачивало меня куда больше обычного. Пришлось снова приложиться к живительному напитку от внешников, который, судя по привкусу, разводили на обычном медицинском спирту. Вроде стало лучше. Теперь бы ещё поесть...

Но подносов с простенькой едой у подбежавших к камере надзирателей при себе не оказалось. Шумахер многозначительно посмотрел на меня, но нашёл в себе силы промолчать. Стоило только прозрачной двери распахнуться, как к нам заскочили двое муров с инъекторами наизготовку, третий страховал на входе.

– А ну встал! – пролаял один из «сизых» – тощий тип в сдвинутой на затылок кепи.

Я послушно поднялся, прикинув, что мы с уркой практически одного роста. Что ж, придётся подружиться именно с ним.

– Крест, ну что у него там? – нетерпеливо спросил стоя-

щий на шухере надзиратель.

Тощий провёл маленьким приборчиком, похожим на древний сотовый телефон с кнопками, над моим браслетом, после чего озадаченно хмыкнул:

– Да вроде норм...

– А что, нормального оборудования вам не доверяют? – беспечно поинтересовался я.

– Заткнись, баклан!

От резкого удара я снова завалился на кровать, но долго разлёживаться мне не дали и грубо подняли на ноги.

– Усёк, кто тут главный?

– Твоя бабушка?

На этот раз мне даже не дали упасть. Второй надзиратель обхватил меня сзади, пока Крест отработывал быстрые трюки по корпусу. Так себе удары, на самом деле, но я сейчас и от щелбана с ног валюсь. Правда, праздник у него скоро закончился – внезапно завибрировала гарнитура и «сизым» приказали вывести меня из камеры, что они нехотя исполнили. Снаружи к нам оперативно подскочила дежурная смена внешников с каталкой. Прямо дежавю чуть прихватило.

– В добрый путь, баклан, – оскалился мой новый приятель, похлопав меня по плечу.

– Не болей, свидимся ещё, – в ответ пожелал я и поехал к ближайшему лифту.

Внизу нас ждало сразу три специалиста в противогазах, долго гонявших меня по различным медицинским тестам.

Даже в пресловутом саркофаге снова полежать пришлось, но облегчения моим мучителям это не принесло. После получения жарких научных споров на английском, в которых я практически ничего не понял, один из внешников, махнув рукой, вызывал кого-то по гарнитуре. Хотя, почему кого-то?

Я точно знал, кто сейчас придёт.

– If you only knew, how tired I am of all of you... [Если бы вы знали, как я от вас всех устала...] – произнёс знакомый мелодичный голос с порога.

Доктор Стерва плавно вошла в помещение, повелительным жестом заткнув одного из нерадивых коллег, дёрнувшегося было объяснить, в чём же дело. Судя по свежим каплям крови на защитном костюме, её отвлекли прямо во время рабочего процесса. Наконец-то я смог нормально рассмотреть идентификационную надпись на её защитном комбинезоне.

«Стелла Левински, старший научный сотрудник». Ну, спасибо что не Моника.

Грациозно устроившись в предложенном кресле, она ненадолго углубилась в планшет, куда, судя по фразе «Very interesting case...» [«Очень любопытный случай...»], ей скинули результаты моих анализов.

Все остальные аквалангисты застыли почтительными статуями вокруг задумчивой женщины, лишь один я, не разделявший общего трепета, весело поинтересовался:

– Доктор, ответьте честно, я смогу ещё стать папой?

Внешники от такого святотатства дружно ахнули, а дежуривший неподалёку боец даже потянулся к инъектору, но Доктор Стерва, подняв на меня свои прекрасные ледяные глаза, категорично произнесла:

– No.[Нет.]

И спокойно вернулась к экрану планшета. А мы с замершим в недоумении внешником синхронно призадумались, кому именно она это адресовала, и что нам теперь с этим делать. Тем временем Доктор Стерва закончила изучать присланные материалы и, откинувшись в кресле, поинтересовалась у смущённых коллег тоном, которым вполне можно замораживать жидкий азот:

– What should I do with you, idiots, to stop you bothering me every day because of him? [Что же мне с вами, идиотами, делать, чтобы вы перестали дергать меня из-за него каждый день?]

В ответ раздалось лишь нестройное мычание. Тот, что её вызвал, начал было оправдываться, тыча в сторону моего браслета, который наверняка зарегистрировал ту ещё ересь, когда я оказался в стеклянной изнанке этого мира.

– Shut up! Please... [Заткнитесь, пожалуйста...] – прервала его женщина, отложив планшет

Стало так тихо, что было слышно малейший скрип ткани защитной одежды внешников. Женщина плавно поднялась кресла и подошла ко мне, с грацией тигрицы, примеряющей для последнего броска к обречённому оленю.

– I have no idea what to do with you... maybe, it would be the best choice putting you on operating table? [Не знаю, что с тобой делать... Может, лучшим выбором будет положить тебя на операционный стол?]

– Мей би, – спокойно пожал я плечами, хотя внутри в этот момент всё сжалось от напряжения.

Самый тонкий момент моего выдуманного впопыхах плана – сейчас от меня здесь вообще ничего не зависит. Только от неё. Либо я правильно рассчитал ситуацию, либо...

Доктор Стерва потянулась к личной гарнитуре, не сводя с меня гипнотического взгляда ярко-голубых глаз. Интересный оттенок, линзы у неё там, что ли или просто с генами повезло? Проклятье, нашёл, о чём думать!

Между тем, на том конце ответили на её вызов и по диагностическому отделению снова зазвенели ледяные колокольчики её голоса:

– Hallo Mr. Crayton, I'd like to inform you about the thirteen-seventy three. That patient had a last stage of a brain tumor. Yes, that's him. [– Алло, мистер Крайтон, Хочу поставить вас в известность на счет тринадцать-семьдесят три. У пациента была опухоль головного мозга на последней стадии... Да. именно он.]

Она взяла небольшую паузу, и я совсем перестал дышать, ловя каждое её слово.

– So, I'd like to ask you to stop interfering my duties everytime, when your bloody sensors pick up anything suspicious

about this subject. From medical point of view, he`s a corpse, but somehow, he didn`t die yet and doesn`t want to... [Так вот, я прошу перестать отвлекать меня от дел каждый раз, когда ваши чёртовы датчики засекут у него что-то подозрительное. С медицинской точки зрения – он труп, который почему-то не хочет умирать...]

Выдыхать было ещё рано, но направление разговора мне категорически понравилось. Некоторое время женщина молча слушала собеседника, после чего резко возразила:

– There`s no point of opening him up right now – his body is exhausted to bits... But.. If I get out of schedule because of him... Yes Mr. Crayton, I understand. [Вскрывать его сейчас не имеет смысла – организм сильно истощен... Но если из-за него я выбьюсь из графика... Да, мистер Крайтон, я поняла.]

Она отключила гарнитуру и многозначительно посмотрела на замерших коллег. Те, рассыпаясь в витиеватых извинениях, принялись грузить меня на каталку. Женщина, удовлетворённо кивнув, покинула помещение, больше ни разу не посмотрев в мою сторону. И не скажу, что я слишком расстроился этому факту – пусть и невольно, но она мне здорово подыграла.

А дальше я уж как-нибудь сам.

Наверху подждал мой новый приятель Крест, искренне удивившийся моему появлению. Внешник-толмач вежливо, но строго попросил его бить тревогу лишь в крайнем случае, и был таков. Поначалу надзиратель был слегка озадачен, но

парочкой колкостей мне удалось привести его в чувство, и он лично сопроводил меня до камеры, хорошенько обработав по дороге.

Лежачих в палате прибавилось и, окажись Крест чуть меньше занят, стать бы мне третьим. Как же просто таких товарищей завести, если знаешь нужные слова...

Сычу после операции нацепили взрослый подгузник и воткнули капельницу, а вот Покеру в дополнительной медицине отказали, видимо решив не переводить на него ценный биологический материал под названием горох, встречающийся в мутантах гораздо реже, чем простые виноградины-спораны. Судя по услышанному, он в разы повышает способность к регенерации, что в первую очередь ценится внешниками. Обратная же сторона медали – в обычной жизни иммунные используют его для усиления своих способностей. Так что здесь им не накачивали до бровей, как обычным живцом, а выдавали дозированно и только тем, кто восстанавливается после тяжёлой операции. Тут уж организму не до способностей, лишь бы выздороветь.

Может, тогда, в салоне «скорой», Доцент вкатал мне именно его? Как знать...

Пока я отлёживался после побоев, Сыч пришёл в себя и жестом пригласил сесть рядом.

– Ну что... – вымолвил он, с трудом ворочая челюстью. – Как успехи?

– Всё хорошо, уже съездил к ученым, – успокоил я

его. – Доктор Стерва списала всё на мою болезнь, и попросила больше из-за меня её не беспокоить.

– Везучий ты...

– Да я бы не сказал.

– Твой дар, если ты не врёшь, второй... – он тяжело вздохнул. – Так не бывает у новичков, если только их на старте не кормили жемчугом... Кто ты?

– Тот, кто хочет отсюда свалить, – искренне ответил я. – Но в одиночку это не под силу никому. Я могу лишь стать первым камушком, который вызовет сметающую всё на своём пути лавину. Не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.